

ЛУИ ГАЛЛЕ

КАПИТАН САТАНА, ИЛИ
ПРИКЛЮЧЕНИЯ
СИРАНО ДЕ
БЕРЖЕРАКА

Луи Галле

**Капитан Сатана,
или Приключения
Сирано де Бержерака**

«Public Domain»

1877

Галле Л.

Капитан Сатана, или Приключения Сирано де Бержерака /
Л. Галле — «Public Domain», 1877

«В поздний октябрьский вечер 1651 года из ворот замка в Перигоре выехал всадник, направляясь по дордонской дороге. Порывистый ветер обдавал его своим холодным дыханием, но он, прямой и неподвижный, как рыцарь, закованный в латы, невозмутимо продолжал свой путь. Появление этого одинокого путешественника в такой поздний час, притом на безлюдной дороге, невольно вызывало опасения, уж не был ли он из тех искателей приключений, что живут за счет чужих кошельков...»

Содержание

Часть первая	5
I	5
II	8
III	10
IV	12
V	16
VI	20
VII	24
VIII	30
IX	38
X	43
XI	46
XII	50
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Луи Галле

Капитан Сатана, или Приключения Сирано де Бержерака

Часть первая Роковой документ

I

В поздний октябрьский вечер 1651 года из ворот замка в Перигоре выехал всадник, направляясь по дордонской дороге. Порывистый ветер обдавал его своим холодным дыханием, но он, прямой и неподвижный, как рыцарь, закованный в латы, невозмутимо продолжал свой путь. Появление этого одинокого путешественника в такой поздний час, притом на безлюдной дороге, невольно вызывало опасения, уж не был ли он из тех искателей приключений, что живут за счет чужих кошельков.

Однако ничто в его поведении не указывало на принадлежность к столь благородной профессии: всадник спокойно свернул с большой дороги и направился по узкой тропинке, пролежавшей между двумя холмами, покрытыми вереском, дроком.

Медленно двигаясь в этом тесном ущелье, он время от времени лениво сбивал концом хлыста нависшие над его головой полуобнаженные ветки деревьев, окаймлявших тропинку, и вдруг, невыносимо фальшивя, затянул:

И при бедности здоровье
Высшее богатство,
Без здоровья ж и без денег
Бедность – хуже рабства!
Мне чердак чертогом служит,
Сутки круглые плащ греет,
И бедняк ничуть не тужит,
Ложь на досках имея...

Между тем ущелье кончилось, и всадник очутился на берегу реки, через которую был устроен перевоз, как раз против селения Сен-Сернин, расположенного на противоположном берегу.

В это время из-за гарданских холмов показалась луна. При ее свете наш путешественник заметил в нескольких шагах впереди себя какую-то неподвижную фигуру с мушкетом в руке. Однако эта подозрительная встреча, по-видимому, нисколько не обеспокоила всадника, невозмутимо продолжавшего свой путь.

Вдруг незнакомец быстро выскочил вперед и со словами: «Милостыньку, Христа ради, господин!» – загородил ему дорогу.

– Э, друг мой, мне кажется, ты слишком тяжело снаряжен для простого нищего! – проговорил всадник, иронически похлопывая кончиком хлыста по блестящему дулу мушкета.

– Дороги так опасны, барон! – пробормотал тот в свое оправдание.

– Ба, воображаю, как ты много потеряешь!

– Положим... – проговорил бродяга. – Милостыньку, господин! – снова повторил он, на этот раз уже с явной угрозой.

– Черт возьми, – воскликнул всадник, – однако ты, парень, просишь милостыни, словно требуешь – «кошелек или жизнь»!

– А это как вам будет угодно! – уже грубо проговорил нищий, быстро приставляя дуло мушкета к груди незнакомца.

– Ого, какой убедительный довод! Только ты, парень, не торопись! – хладнокровно отвечал всадник, моментально отталкивая оружие от своей груди и быстро соскакивая на землю.

В следующее мгновение нищий почувствовал, как шея его очутилась в сильных руках незнакомца; еще минута – и ослабевшие руки бродяги бессильно опустили мушкет. Подхватив его, всадник хладнокровно взял свой хлыст и, осыпая частыми ударами злосчастного нищего, наставительно проговорил ему:

– Ну, благодари черта, своего патрона, что на этот раз ты так легко отделался, парень, а то, будь я сегодня в плохом настроении, не миновать тебе фужерольской виселицы или просто хорошего удара прикладом. Всмотрись же теперь хорошенько, дуралей, и помни – в другой раз не попадайся мне на глаза. А то несдобровать тебе! Вот тебе мой добрый совет! – закончил всадник, выпуская, наконец, из своих рук избитого нищего.

Стоявший теперь на коленях бродяга поднял свои черные, дышавшие ненавистью глаза на иронически улыбавшееся лицо незнакомца и глухо проговорил:

– Буду век помнить вас, господин, только пустите меня!

При этих словах, сказанных каким-то странным тоном, путешественник пристально взглянул, пользуясь светом луны, в исказившееся от боли и злобы лицо бродяги, затем, пока тот, почесываясь, приподнимался с земли, схватил его мушкет за дуло и, повертев несколько раз над головой, с силой швырнул его в волны Дордоны. После этого, не обращая больше внимания на нищего, он быстро вскочил на лошадь и направился к перевозу, на котором и переправился на другой берег.

Через десять минут он был уже на улице селения Сен-Сернин. Проехав по ней несколько шагов, всадник остановился и, приподнявшись на стременах, окинул пытливым взглядом стоявшие перед ним домики. В одном из них, несомненно, лучшем во всем селении, в окнах весело светился огонек и струйка аппетитно-пахучего дыма невольно вызвала улыбку удовольствия у проголодавшегося путешественника.

Дом этот, так приветливо манивший издали, принадлежал Жаку Лонгепе¹. Но человек, носивший это воинственное имя, не имел ничего общего с профессией своих предков: это был просто кюре в Сен-Сернине. Правда, из-под его черной сатиновой рясы резко вырисовывались атлетические формы, а широкое мясистое лицо, обрамленное черной бородкой, выражало энергию и самоуверенность, но в общем это было кроткое и, как дитя, простодушное существо.

В то время как всадник медленно приближался на пароме к берегу, кюре сутился у себя на кухне, то и дело торопя экономку, хлопотавшую у очага.

– Жанна, помилосердствуйте! Ведь уже восемь часов, а у вас еще не готово! Вот увидите, что ваша щука будет сырая. Подумайте, ведь через какие-нибудь четверть часа Савиньян, наверное, будет здесь!

– Ладно, ладно, обождет немного, невелика важность! – бормотала раздраженная кухарка. – Все равно, пока все не будет готово, я не подам ничего!

Чувствуя свое бессилие здесь, священник медленно вышел из кухни в столовую. Стол был уже накрыт, а рядом, на буфете, возвышался целый ряд покрытых мохом бутылок. Не хватало лишь дорогого гостя. Часы пробили уже четверть девятого, вдруг в передней раздался звонок.

– Это он! – вскрикнул кюре, настезь растворяя двери и бросаясь в объятия гостя.

¹ В переводе это значит – длинная шпага.

– Твой ужин, дружище, как нельзя более кстати в такую адскую погоду! – проговорил гость, целуясь с хозяином и входя в комнату. – О, я слышу запах трюфелей и дичи!.. Чертовски приятная штука, я уже заранее предвкушаю райское блаженство!

– Ну, присаживайся, дорогой Савиньян! – проговорил кюре, снимая с него плащ и развешивая его перед камином. Приказав затем Жанне подавать, он уселся со своим гостем у стола.

Весело болтая, друзья принялись за вкусные яства, приготовленные опытной рукой Жанны. Жак и Савиньян были лишь молочные братья, но это не мешало им быть связанными узами настоящей братской любви.

– А ведь я приехал не только поужинать, – у меня есть к тебе важное дело! – проговорил вдруг приезжий, принимаясь за паштет, покрытый толстым слоем перигорских трюфелей.

– В чем же дело? – спросил кюре. – По твоему письму я уже сразу догадался, что, вероятно, что-нибудь случилось! – добавил он, с любопытством глядя на молочного брата.

– Потом поговорим об этом, а теперь подвинь-ка мне, пожалуйста, эту достопочтенную щуку!

– Это триумф Жанны! И в самом деле, щука – на редкость!

– Что ты?! Да разве это какая-нибудь сказочная рыба?

– Нет, но эта восхитительная щука прислана мне в честь твоего приезда аббатом Бурдейлемом из озера Фонта.

– Восхитительно, очаровательно! Откуда бы она ни была, но она великолепна, особенно под этим соусом из шампиньонов с белым вином!

Вскоре веселая трапеза была кончена. Жанна убрала со стола и поставила перед друзьями бутылку арманьякского ликера и две крошечные рюмочки.

Отпив немного ликера, Савиньян облокотился на стол и, устремив глаза на друга, проговорил серьезным тоном:

– Жак, поболтаем теперь о деле!

II

Кюре, также придав своему лицу серьезное выражение, приготовился внимательно слушать.

– Жак, некогда ты поклялся мне, что рад был бы пожертвовать всей своей жизнью ради меня! – начал незнакомец.

– Да, и готов сейчас же подтвердить эту клятву! – ответил кюре, пожимая руку друга.

– Ну и ручка! – пробормотал Савиньян, изящным жестом встряхивая побелевшие пальцы. – Из нее трудно будет вырвать что-нибудь, раз она взялась охранять!

– А что, разве ты хочешь дать мне что-нибудь на хранение?

– Да, и ты должен, в случае надобности, как дракон защитить этот драгоценный документ!

Глаза священника заблестели и, указывая рукой на висевшую в углу рапиру, он просто проговорил:

– Вот она, память отцов! Я еще не разучился владеть ею!

– Еще бы; я еще до сих пор помню, как во время детских игр ты задавал мне хорошие потасовки вот этой самой, рапирой! Какая досада, право, что ты не солдат! – с жаром воскликнул Савиньян.

– Господь призвал меня к другому! – ответил кюре, подавляя овладевшее им волнение. – Ну, продолжай, Савиньян! – добавил он после небольшой паузы.

– Жак, сначала мне не хотелось поручать тебе этого опасного дела, достойного воина, а не пастыря. Но где мне, однако, найти такую преданную, неподкупную душу, такое мужественное, благонадежное сердце?! Да, где найти человека, который, не рассуждая и не выпрашивая, взял бы на себя эту обязанность? И вот я пришел к тебе за помощью!

– И прекрасно сделал, Савиньян!

– Так слушай же: дело, которое я тебе вверяю, мне поручено другим лицом, и я поклялся ему добиться благоприятного результата. Тебе ведь хорошо известна моя жизнь, полная всевозможных приключений и случайных опасностей. Не сегодня-завтра я могу пасть от шальной пули или удачный удар сабли отомстит мне, наконец, за все те удары, какие я так щедро расточал другим!

– Да простит их тебе Господь! – набожно проговорил кюре.

– Итак, с моей смертью документ, взятый мною на сохранение, попадет в чужие руки, а еще хуже – в руки лиц, заинтересованных в этом деле. Вот чего я боюсь и чего ты поможешь мне избежать благодаря своему уму и силе. Возьми их, – и я могу спокойно умереть, зная, что ты выручишь меня!

– Уж не завещание ли свое ты думаешь дать мне на хранение? – спросил кюре, удивленный таким торжественным вступлением.

– Мое завещание?! Какое, к черту, завещание может оставлять человек, который, подобно философу Биасу, все имущество носит на себе? – с улыбкой возразил Савиньян.

– Что же тогда?

– Ведь я же говорил тебе: я поручаю тебе то, что мне вверено!

Жак с недоумением и любопытством взглянул на молочного брата.

Савиньян молча вынул из кармана бумажный пакет, перевязанный зеленым шелковым шнурком и закрепленный еще совсем свежей печатью. Не было ни надписи, ни герба. Лишь на печати на гладком фоне, усеянном звездами, затейливо переплетаясь, красовались две буквы: С и Б.

– Таким образом, вид таинственного пакета ничего не объяснил священнику. Между тем Савиньян приблизил к глазам его пакет и, похлопывая пальцем по печати, серьезно проговорил:

– Здесь хранится судьба человека, участь целой семьи, решение тайны жизни и смерти!

– Давай! – решительно проговорил кюре, протягивая руку.

– Теперь, милый Жак, – сказал Савиньян, отдавая документ и вставая из-за стола, – конверт этот ты будешь хранить до тех пор, пока я сам не возьму его у тебя или пока ты не убедишься в моей смерти!

– Ну а в последнем случае?

– Тогда ты взломаешь печать и найдешь там мою собственноручную рукопись, в которой изложены дальнейшие указания относительно документа!

– Какие же указания?

– Такие, что, следуя им, ты исполнишь точно и последовательно все то, что я обещал. Как видишь, пока я обретаюсь в этой юдоли плача и скрежета зубов, твоя роль дракона не особенно трудна!

– Правда!

– Но ты не унывай, тебе предстоит еще довольно приятная обязанность подобрать мои бранные останки, когда какой-нибудь молодчик всадит мне примерно дюймов шесть железа в грудь и оставит валяться где-нибудь на поле!

– Ну, думаю, не родился еще такой молодчик! – сказал кюре успокоительно.

– Как знать?! Во всяком случае, меры предосторожности приняты, и я спокоен! – прибавил Савиньян, выпивая свою рюмку с видом человека, довольного собой.

– Савиньян, позволь задать тебе еще один вопрос, – проговорил кюре. – Мне кажется, в подобном деле лишний вопрос не повредит. Если бы, например, от твоего имени явился ко мне кто-нибудь за этим документом, то как мне поступить тогда?

– Будь то сам папа или сам король, ты расквитаешься с ним, как с обманщиком!

– Ну а если он употребит в дело силу?

– Тогда ты прикончишь его! – мрачно проговорил Савиньян, указывая глазами на рапиру, висевшую в углу.

Не нужно думать, будто эти грозные слова смутили почтенного пастыря: он жил в ту эпоху, когда требник и сабля мирно покоились у изголовья духовных лиц.

Жак молча пожал руку молочного брата, как бы скрепляя их дружеский союз, и Савиньян понял, что ему можно спокойно ехать.

Часы на башне пробили одиннадцать. Савиньян взялся за свой плащ.

– Ты уже покидаешь меня?

– Да!

– Куда ты теперь?

– Туда! – ответил Савиньян, указывая рукой в окно, где на противоположном берегу Дордоны на совершенно ясном небе рельефно вырисовывалась темная масса фужерольского замка.

III

Когда топот лошадиных копыт совершенно стих, кюре молча вернулся в свою комнату и направился к кровати, где у изголовья стоял маленький дубовый шкаф. Спрятав в него пакет и тщательно закрыв тяжелые двери, он благоговейно преклонил перед образом колена, весь погрузившись в горячую молитву за дорогого друга и брата. Добрый священник молил Всевышнего защитить его брата от опасностей, и без того часто встречавшихся на его пути, а теперь и по давню, благодаря таинственному делу, ради которого Савиньян только что приезжал к нему.

Между тем наш путешественник быстро приближался к цели своего путешествия. Прошло двенадцать часов, когда он очутился у ворот фужерольского замка, но, несмотря на такое позднее время, там еще не спали: везде мелькали огни, прислуга сновала вдоль длинных коридоров, о чем-то таинственно перешептываясь и группируясь у дверей, ведущих в барские комнаты.

Въехав в большой двор и бросив поводья подбежавшему конюху, Савиньян быстро направился к лестнице, ведущей на первый этаж, и здесь столкнулся с управляющим поместьем.

– Ну что, как дела, Капре? – спросил он.

– Эх, сударь, скверно, очень скверно! – грустно вздыхая, ответил старик.

Не слушая дальше, Савиньян, шагая через несколько ступенек, вбежал по лестнице и очутился в комнате, переполненной народом. Посередине возвышалась огромная кровать из черного дуба, полузакрытая шелковым шитым пологом; на ней теперь умирал старый граф Раймонд де Лембра, владелец Гардона и Фужероля.

Бескровное, желтое лицо графа покоилось на белоснежных подушках; худые, словно оконеченные руки сплелись на впалой груди; посиневшие веки полузакрывали потухшие глаза, и только вздрагивавшие синие губы указывали на то, что это изможденное временем и болезнью тело еще дышит, еще не замерло навеки... У ног умирающего замковый капеллан читал отходную, а рядом стоял статный молодой человек высокого роста с гордым выражением красивого лица.

В этих глазах, по временам останавливавшихся то на лице умирающего, то на столпившихся у кровати – молящихся слугах, было что-то холодное, острое. В резко очерченных углах губ, в подвижных, часто хмурившихся бровях выражалась непоколебимая воля и властолюбие. Ни одной мягкой черты, какими так богато было лицо старика, нельзя было заметить в красивом лице его сына и наследника.

Увидав вновь прибывшего, молодой человек быстро направился к Савиньяну.

– Мой отец давно уже ждет вас, дорогой Савиньян! – проговорил он вполголоса.

– Я принужден был отлучиться на несколько часов из Фужероля! Может ли он выслушать меня теперь?

– Да, кажется, хотя его положение сильно ухудшилось!

– В таком случае, прошу вас, Роланд, сообщить ему о моем приходе!

Подойдя к кровати отца, Роланд де Лембра наклонился над ним и тихо произнес имя Савиньяна. Старик быстро открыл глаза и еле заметным жестом подозвал к себе прибывшего.

Савиньян, подойдя к кровати, молча остановился здесь.

Взяв его за руку, умирающий одно мгновение молча смотрел вперед, как бы собираясь с силами для разговора, но, заметив устремленные на него глаза сына, еле слышно проговорил:

– Отойди на минуту, Роланд, и вы тоже, отец мой! – обратился он к священнику.

Густо покраснев и еле сдерживая досаду, граф удалился со священником в глубь комнаты, оставив умирающего наедине с Савиньяном.

– Слушай! – прошептал старик.

Молодой человек низко наклонился над кроватью, так что синие губы графа касались его уха. О чем говорил граф, какие тайны сообщал он своему молодому, другу, этого никто не мог знать или слышать. Только когда Савиньян выпрямился, все могли заметить крупные слезы, блестящие в потухающих глазах старика.

– Неужели же он будет моим наследником? – прошептал он, грустно глядя на сына. Подняв затем отяжелевшую седую голову и указывая глазами на сына, он слабо прошептал: «Заботься о нем, а главное, не забудь о другом...»

IV

Широкие улицы, проделанные современным Парижем в старых кварталах города, недавно вывели на свет Божий старинное здание, считавшееся совершенно исчезнувшим. В нем-то некогда Корнель и целая плеяда менее известных и совершенно забытых теперь поэтов добивались, как величайшей чести, увидеть воспроизведение своих творений на сцене, помещавшейся в этом здании. Это был бургонский дворец, некогда осаждавшийся отборнейшей публикой, которая спешила насладиться игрой известных актеров, игравших благодаря покровительству Анны Австрийской, управлявшей тогда судьбой Франции.

В описываемый момент в этом сборном пункте сливок военного и гражданского общества шло представление «Агриппины», возбудившей бурную полемику среди тогдашней критики, которая обвиняла автора в антирелигиозных и антимонархических взглядах.

Блестящая, шумная толпа, переполнявшая зрительный зал, была настроена воинственно.

Особенно сильно интересовались ходом пьесы два субъекта, затерявшиеся в одном из уголков партера.

Один из них самым усердным образом свистел в тех местах пьесы, которые ему почему-либо не нравились; другой же, наоборот, с удовольствием улыбался, видимо, одобряя мысли автора, и досадливо пожимал плечами на каждый свисток соседа. Наконец, в третьем акте нетерпеливый сосед, желая с кем-нибудь поделиться своей досадой, обратился к молчаливому незнакомцу:

– Не правда ли, какое жалкое произведение?

– Почему, позвольте спросить? – холодно проговорил незнакомец.

– Как почему?! Я никогда в жизни не слышал еще так уродливо выраженных нечестивых мыслей!

– Однако вы, как вижу, не особенно лестного мнения об авторе!

– Я не могу быть иного мнения о нечестивом еретике, достойном отлучения от церкви!

– Неужели?

– А разве он не высказывает мыслей, оскорбляющих наши святыни?

– Вероятно, вы плохо слышали. Вот что он говорит, – и незнакомец стал декламировать отрывок из «Агриппины», потом другой, третий, все более и более увлекаясь по мере передачи стихов.

– Но как вы могли запомнить такую массу стихов?

– Ну а что, как нравятся вам эти стихи? Не правда ли, они очень недурны?

– Да, действительно!

– Так почему же вы свистели с таким азартом?

– Взгляните кругом... Многие свистят! – как бы оправдываясь, ответил сосед.

– О, жалкий род людской; довольно какому-нибудь ослу зареветь, чтобы все последовали его примеру!

– Послушайте, ведь это наглость!

– Вы думаете?!

– Не думаю, а уверен!

– Тем хуже для вас. Но... тише, начинается четвертый акт.

– Хорошо, потом мы окончим наш спор должным образом в надлежащем месте.

– Вероятно, вы провинциал? – насмешливо заметил спокойный слушатель.

– Мое имя маркиз Лозероль!

– Это, кажется, древнейший род в Пуату! Извините, я не буду вам мешать слушать. Вот, появляется Сежанус!

Появление актеров невольно прервало ссору, которая велась все время в самом изысканно-вежливом тоне. К концу действия декламатор «Агриппины» жестом подозвал к себе сидевшего невдалеке молодого человека, который поспешно подошел на его зов.

– Граф, могу ли я просить вас быть моим секундантом?

– Как так?

– Я думаю драться!

– Когда, сегодня?

– Сейчас!

– Опять ссора, но ведь вы еще не успели из зала выйти и уже...

– Мне нечего было выходить, мой противник здесь! Маркиз Лозероль отвесил учтивый поклон.

– Какие мотивы?

– Маркиз находит «Агриппину» отвратительной, а по-моему она хороша. Этот повод удовлетворяет вас?

– Вполне!

– Ну, идемте, господа, мне некогда!

Захватив по дороге второго секунданта, противники направились в ближайший переулок, где, не тратя времени и слов напрасно, тотчас же приступили к делу.

– О, да ведь вы порядочно фехтуете! – проговорил маркиз, тщетно стараясь найти незащищенное место у противника.

– Неужели? А ведь это пустейшие, так сказать, провинциальные приемы!

– Положим, в провинции умеют владеть оружием! – ответил маркиз, нанося удар в сердце.

– Тем более в Париже! – возразил противник, легко отстраняя шпагу маркиза и мастерским ударом прокалывая его руку.

Борьба была кончена.

– Поздравляю вас с победой, хотя, признаться, она несколько не возвысила достоинств «Агриппины». Кстати, позвольте спросить, каким способом вы умудрились запомнить из нее такую массу стихов? – спросил маркиз.

Хладнокровно вложив шпагу в ножны и подойдя к раненому, декламатор проговорил спокойным тоном;

– Очень просто, я – ее автор!

Защитив таким блестящим способом свое произведение и оставив в недоумении раненого маркиза, автор «Агриппины» спокойно взял под руку своего секунданта и скрылся в глубине улицы.

* * *

Этот поэт не совсем незнаком нам, – мы встречали его уже за ужином у Жака Лонгепе и у смертного ложа графа Раймонда де Лембра.

Он обладал, необходимо об этом упомянуть сейчас же, так как это была характерная черта его оригинальной физиономии, огромным, острым носом, почти закрывавшим верхнюю губу, настоящим «богатырским» носом, как называл его один из биографов поэта. Этот нос резко выделялся на красивом лице, освещенном парой чудных черных глаз. Тонкие брови красиво изгибались на высоком лбу, довольно редкие усы оттеняли правильные губы, а редкие черные волосы, небрежно закинутае назад, придавали его лицу открытое и умное выражение.

Притом, кроме своей красивой наружности, наш незнакомец обладал недюжинным умом и уже занимал почетное место среди ученых и писателей. Вообще он, ярко выделялся из среды безумной и безрассудной современной золотой молодежи.

Имя его был Савиньян де Сирано. Но он был более известен под именем Сирано де Бержерака, как называл он себя, в отличие от своих братьев и кузенов.

Это был творец «Агриппины», автор «Путешествия на Луну», «Колких бесед» и целой серии юмористических мелких произведений, а также смелый философ, неустрашимый, непобедимый дуэлист и герой всевозможных перепалок! У него была масса прозвищ. Его называли Неустрашимым, Демоном храбрости, Капитаном Сатаной. Особенно популярно было последнее прозвище – многие величавшие его таким образом и не подозревали об его настоящем имени.

Что касается характера этого оригинального человека, то отличительными чертами его были честность, доброта, самостоятельность, ненависть ко всему глупому и остроумие. Его страшно любили за его остроумие и беззаботность. Поэтому-то в виде редкого исключения из общего правила после его смерти о нем сохранилось дружеское воспоминание и безусловное уважение к его памяти.

* * *

Раскланявшись с раненым маркизом, Сирано удалился под руку с графом.

Титул графа молодой человек получил недавно, в день смерти своего отца Раймонда де Лембра; вместе с титулом к нему перешло и огромное состояние.

Прошел год после смерти старого графа. Роланд быстро и легко пережил эту потерю и теперь весь рвался к бурной, полной удовольствий городской жизни, от которой его удерживал до сих пор отец.

Сирано де Бержерак был опытнее и старше 25-летнего красавца Роланда, и тот, хотя не чувствовал особенной симпатии к поэту (вообще он во многом был прямой противоположностью отца), но, за неимением лучшего проводника и руководителя, обратился к Сирано, прося посвятить его во все тайны парижского света.

«То было время прекрасных итальянских и испанских авантюристок, сладострастных и надменных созданий, одинаково обожавших золото, кровь и духи; время любовных похищений, с балконами, веревочными шелковыми лестницами и прочими необходимыми атрибутами подобных походов; время балетов, маскарадов, испанского волокитства, то серьезного, то безумного, то преданного до унижения, то пылкого до жестокости; время сонетов, романсов, дуэлей, попок и безумных игр»²

Таков был водоворот, куда Сирано втолкнул своего молодого друга.

Сам Сирано, несмотря на столь опьяняющую обстановку, вел тихую, мирную жизнь поэта-философа; Роланд же, наоборот, сразу окунулся во все удовольствия и развлечения, какие ему предоставляло его богатство. Он безумно швырял деньгами, устраивал вечера, балы, ослеплял женщин своей щедростью, мужчин покорял удалством и очень быстро опьянел от подобной жизни.

Но скоро появилась и обычная в таких случаях усталость; он почувствовал необходимость отдыха. И здесь на выручку его явился тот же Савиньян. Будучи другом маркиза де Фавентин, мирно жившего в своем старом замке на острове святого Людовика, Савиньян представил Роланда старому маркизу. Тут молодой человек нашел необходимый покой. Вскоре Роланд страстно влюбился в единственную дочь маркиза, 19-летнюю красавицу Жильберту, и, не долго думая, открылся в своих чувствах маркизу.

Тогда, точно так же как и теперь, не особенно охотно женились на бесприданницах, так что маркиз принял предложение графа с величайшей радостью, и через два месяца так называемое «счастье» Жильберты было решено.

² Теофил Готье «Les Grottesques».

Что касается молодой девушки, спрошенной для виду, то, не особенно раздумывая, она дала свое согласие: сердце ее было еще свободно, притом она видела, что этот брак представлял из себя весьма выгодную партию. Необходимые переговоры были очень скоро закончены, и граф де Лембра торжественно был объявлен женихом белокурой красавицы Жильберты.

В эти два месяца Жильберта уже свыклась с мыслью стать графиней.

Она равнодушно ждала этой свадьбы, или, вернее, охотно бы взяла свое слово назад, если бы ее не останавливало неизменное послушание воле родителей, внушенное ей еще с детства.

V

Замок де Фавентин помещался в глубине сада, обнесенного решеткой, спускавшейся к Сене. Сидя на террасе у ворот ограды, Жильберта часто любовалась живописной рекой, плескавшейся внизу у ее ног. Здесь она читала, мечтала или болтала с Пакеттой, своей горничной и наперсницей.

Однажды утром обе девушки по обыкновению заняли свои обычные места, в тени каштана, живописно раскинувшего свои густые ветки.

Обе они о чем-то оживленно болтали вполголоса, низко наклонившись друг к другу, так что белокурые волосы Жильберты совершенно касались черных кудрей Пакетты.

Хорошенькие щечки Жильберты рдели от возбуждения, как цветков персика.

– Давно ли это продолжается? – спросила Пакетта, внимательно выслушав возбужденный рассказ своей госпожи.

– Вот уже три недели.

– Неужели?

– Да, ровно три недели я ежедневно нахожу утром у себя на балконе букет цветов и в нем стихи.

– Преподносить букеты ежедневно – это легко, конечно, но стихи... Одно из двух: или этот любезный незнакомец талантливее наших модных стихоплетов, или у него в памяти приготовлен большой запас стихотворений на случай.

– У тебя злой язык!

– Можно ли мне задать вам один вопрос?

– Говори!

– Скажите мне откровенно, положив руку на сердце, какое впечатление производит на вас появление этих стихов и букетов?

– Кажется, я немного безрассудна!

– Я не понимаю вас, барышня, это не ответ!

– Хорошо, так знай, что меня возмутила смелость этого незнакомца!

– Ну конечно, – а потом?.. – Потом я привыкла!

– До такой степени, что теперь?..

– Теперь мне кажется, что я не могла бы ему запретить этого тайного обожания, раз до сих пор я не остановила его.

– И вы не подозреваете, кто бы это мог быть? – Уверю тебя, не могу догадаться.

– Неужели никого нельзя заподозрить?

– Буквально никого!

– А графа де Лембра?

– Моего жениха, что ты! Он видится со мной ежедневно, свободно может говорить, когда ему вздумается. К чему бы ему эти таинственные подношения букетов и цветов?

– Может быть, простое внимание!

– Нет!

– В таком случае, может быть, простое испытание?

– Граф не нуждается ни в испытании меня, ни в покорении моего сердца. Он так же уверен в моей верности, как в слове моего отца!

– Стало быть, все это ни к чему?

– Да, ни к чему! Через месяц моя свадьба. И воспоминание об этом странном приключении лишь вызовет у меня лишнее сожаление!

– Лишнее сожаление?! Вот видите, вы не любите графа де Лембра и все-таки выходите за него замуж.

– Но что же мне делать?

– Вам нужно отказать! Честное слово, я бы и минуты не колебалась! – проговорила Пакетта, энергично встряхивая хорошенькой головкой.

– Ты – дело иное, ты свободна. Ты не обязана заботиться о семье, не обязана поддерживать чести рода!

– Да, это правда, но...

– Если бы даже я отказала, так ведь решение отца тверже моей воли! – грустно продолжала Жильберта.

Да, Пакетта, ты счастливее меня: ты свободно можешь любить, а я любить не смею!

В саду послышались голоса. Жильберта вздрогнула и замолчала. В тот же момент на террасе появилась маркиза де Фавентин под руку с графом. Жильберта невольно вскрикнула от неожиданности.

– Я, кажется, испугал вас? – спросил Роланд.

– Нет, это так! – пытаясь улыбнуться, ответила молодая девушка.

Поцеловав руку невесты, Роланд вернулся к маркизе, – поместившейся на каменной скамье, которая окружала платан. Заметив неуловимый жест матери, Жильберта уселась рядом с женихом, но, не принимая участия в разговоре, задумчиво устремила глаза вдаль и вся отдавалась своим думам.

– Вы так грустны сегодня, скажите, не случилось ли чего-нибудь? – спросил граф, пристально всматриваясь в задумчивое лицо невесты.

– Извините, пожалуйста, мою рассеянность, но, право, ничего не случилось.

«Странно!» – подумал Роланд хмурясь.

Разговор не вязался. Видя это, граф решил переменить тему и, вынув из кармана ящик для драгоценных вещей, тончайшей работы, с гербом маркизов де Фавентин, учтиво положил его на колени молодой девушки.

– Зная, что вы очень интересуетесь изящными вещицами, я осмелился заказать для вас эту безделицу одному флорентийскому ювелиру! Окажите мне честь принять эту игрушку! – проговорил граф.

Снисходительно улыбнувшись, молодая девушка внимательно посмотрела на прелестный подарок.

– Да, действительно, это очень изящная и дорогая игрушка! – сказала она равнодушно.

– Жильберта, неужели ты не можешь учтиво поблагодарить графа? – заметила с укоризной маркиза.

– Простите, я забылась! Сердечно благодарю вас, граф, за память! – холодно проговорила молодая девушка.

«Холодна, как мрамор. Неужели я ошибся?!» – снова пробормотал граф. Опять воцарилось неловкое молчание. Вдруг, к удовольствию всех трех действующих лиц этой сценки, издали наблюдаемой Пакеттой, вдали показались маркиз и Сирано де Бержерак.

Молодой человек изящным поклоном издали приветствовал дам и учтиво подошел к руке маркизы. – А, господин Бержерак, как я рада снова видеть вас у себя!.. Ведь уже целые две недели вы лишали нас Своего милого общества! Может быть, вы были больны? – спросила маркиза, обрадованная приходом гостя.

– Да, я был все это время занят, но не выходил из второстепенной роли! – весело проговорил Сирано.

– Иначе говоря, вы дрались? – спросил Роланд.

– Да, но совершенно не по моей вине. Я был секундантом у Бризайля, который дрался, ей-Богу, не помню из-за чего, затем поддержал Канильяка, причем лично для меня осталось лишь приятное воспоминание вот об этой царапине на носу.

– Ну, это пустяшные ссоры, но я слышал, что у вас были действительно серьезные столкновения! – сказал маркиз.

– Позвольте узнать, какие?

– Я слышал, что вы серьезно повздорили с Покленом, укравшим у вас из «Педанта» целую сцену и вклеившим ее в свои «Плутни Скапена».

– А, вы об этом!

– Но, как я вижу, вы очень хладнокровно относитесь к этой истории?

– Чего же мне волноваться? – спросил Бержерак, пожимая плечами. – Положим, это верно, что Мольер заимствует у меня, но ведь об этом все знают и все говорят, так что мне нечего мстить. Притом раз он находит нужным красть мои мысли, то этим доказывает только, что они хороши, иначе он не проделывал бы этого так часто!

– Конечно, вы правы!

– Но вот что меня возмущает до глубины души: он приписывает своему воображению все, чем обязан лишь памяти, иначе говоря, в отношении многих своих произведений он разыграл лишь роль акушера, а называет себя отцом!

Взрыв хохота служил ответом на его слова. Лед был, наконец, сломан, и веселье Сирано сообщило всей компании.

– Право, вы гораздо лучше, чем о вас говорят! – заявил, улыбаясь, маркиз.

– Э, не думайте лучше распространяться об этом. Если моя репутация плоха, то это значит, что я дал время своим врагам испортить ее! – заметил небрежно Сирано. – Поговорим лучше о вас. Вероятно, за это время накопилось много хороших новостей!

– У меня лишь одна, но зато самая радостная: через месяц наша свадьба! – сказал Роланд. «Кажется, бедное дитя не особенно восхищено столь заманчивой будущностью!» – подумал Сирано, подмечая невольный жест Жильберты при последних словах жениха.

– Счастлив тот смертный, который заранее знает час своего блаженства! – проговорил он вслух, поднимаясь с места.

– Вы обедаете с нами, господин Бержерак? – спросила маркиза.

– К величайшему моему сожалению и прискорбию, не могу, так как я принужден покинуть ваше уважаемое общество.

– Так скоро?

– Меня ждут в бургонском замке! – Ну, это лишь предлог!..

– Уверяю вас, что этот предлог из плоти и крови, маркиза! Это – мой секретарь Сюльпис Кастильян.

– О, он может подождать!

– Оставайтесь, прошу вас, а после обеда вы прочтете нам кое-что из ваших новейших произведений! – проговорила Жильберта, подходя к молодому человеку.

– Если вы приказываете! – сказал Сирано, – я не осмеливаюсь иметь ни одного атома собственной воли! Итак, я остаюсь, маркиза! А не пройтись ли нам до обеда к Новому Мосту! Говорят, что Бриоше ставит сегодня какой-то новый фарс, в котором, к величайшей радости зевак и шалопаев, моя особа представлена в весьма комичном виде.

И Сирано принялся высчитывать все приманки, какие может дать сегодня Бриоше. Вдруг его слова были прерваны какой-то странной музыкой, долетавшей с берега. У решетки сада внизу, на берегу Сены, стояли двое мужчин и молодая женщина, одетые в живописные, яркие костюмы. По-видимому, это были бродячие цыгане. Перевесившись через решетку, Сирано залюбовался этой оригинальной группой музыкантов. Действительно, они производили сильное впечатление: женщина поражала своей красотой, а ее товарищи, одетые в мишурное тряпье, изумляли своей гордой, полной достоинства осанкой.

– Почему бы не пригласить этих странствующих музыкантов сюда? Уверю вас, маркиз, что вблизи они произведут еще лучшее впечатление! – проговорил Сирано, забывая и Новый Мост, и Бриоше с его новым фарсом.

– Я согласен с вами! Ну а ты, Жильберта, что скажешь? – отвечал маркиз.

– Мне все равно, как хотите! Позовите их, пожалуйста, сюда, господин Бержерак!

– Эй вы! Заходите сюда, да поживее, и покажите нам свое искусство! – проговорил Сирано, подзывая цыган.

VI

Пакетта раскрыла дверь ограды, и трое музыкантов вошли на террасу.

Вдруг один из мужчин, заметя Сирано, быстрым и незаметным движением опустил свои черные волосы на смуглое лицо. Если бы Сирано внимательно присмотрелся к нему, то очень легко узнал бы в нем нищего, остановившего его ночью на берегу Дордоны. Но Сирано, вероятно, уже забыл эту историю, притом все его внимание было поглощено рассматриванием его товарища.

Это был совершенно еще молодой, стройный и красивый юноша с загорелым, гордым, но словно несколько грустным лицом, совсем не цыганского типа.

О чем думал Сирано, так пристально всматриваясь в этого стройного блондина? Вероятно, он сам не мог бы дать себе в этом отчета, так как немного погодя, по-видимому, отогнав от себя какую-то неопределенную, назойливую мысль, тряхнул головой и подошел к музыкантам:

– Ну, продолжайте свою музыку, если не знаете чего-нибудь другого!

Тот из цыган, который казался начальником этой маленькой труппы, гордо выступил вперед и, как можно больше изменяя голос (он еще не забыл урока, данного ему ночью всадником), сказал вежливым тоном:

– Редко кто любит теперь музыку, потому мы имеем про запас кое-что другое!

– Посмотрим!

– Я знаю прекрасные фокусы с кубками, моя сестра Зилла отлично ворожит, а наш брат, Мануэль, неподражаемый импровизатор-поэт и лютнист.

– Теперь лишь предстоит забота о выборе, – смеясь, заметил Сирано. – Ты поэт? – обратился он к блондину.

– Да, иногда!

– Стало быть, мы коллеги с тобой. Приветствую тебя во имя Аполлона!

– Благодарю вас, господин Сирано! – учтиво кланяясь, проговорил молодой музыкант.

– Как, ты меня знаешь? – удивился де Бержерак.

– Да, так же как и весь Париж!

«Странно, непонятно, – этот голос, лицо, вот так и кажется, что я их где-то слышал, где-то видел...» – подумал Сирано, еще пристальнее всматриваясь в Мануэля.

– Что с вами, мой друг? – спросил Роланд, заметя странное выражение его лица.

– Так... ничего, – ответил поэт, приходя в себя. – Я наблюдал за моим молодым коллегой. Ведь признайтесь, поэт – это довольно интересное и притом редкое существо!

Минуту продолжалось молчание. Сирано по-прежнему не спускал глаз с Мануэля, а тот в свою очередь пожирал глазами Жильберту, приводя ее этим в сильное и непонятное волнение; Зилла же устремила свои блестящие глаза на Мануэля. Роланд с недоумением посматривал то на того, то на другого, стараясь отыскать хоть у кого-нибудь объяснения этой немой, сцены.

Что касается второго музыканта, то он был поглощен лишь одной заботой – не попадаться на глаза Сирано, присутствие которого сильно смущало его.

– Ну, прекрасная мечтательница, не хотите ли вы узнать свою судьбу? – обратился вдруг Сирано к Жильберте.

– С удовольствием! – ответила та, подходя к музыкантам и подавая руку цыганке.

– Говорите откровенно, я не боюсь своей судьбы! – произнесла молодая девушка.

– Любовь в тумане, неожиданность и разочарование; опасная борьба, потом после борьбы счастье или смерть! – сказала гадалка.

– Благодарю вас!

– Таинственна, как древний оракул! – насмешливо заметил Сирано. – Ну а теперь погадайте-ка мне, прекрасная сивилла! – обратился он к Зилле.

– С удовольствием! Короткая, бурная жизнь, преследования, сражения!

– Все, что я люблю! Ты славно гадаешь, дитя мое. Но конец, каков конец будет?

– Я не могу определить вашей смерти!

– Вероятно, от удара шпаги; кстати, я давно заслужил уже его.

– Нет! – решительно заявила молодая девушка, пристально всматриваясь в руку Сирано.

– Будь по-твоему! Теперь ваша очередь, Роланд!

– Не стоит: ведь я не верю в предсказания! – проговорил тот.

– Я тоже не верю, но надо же, черт возьми, дать им заработать!

– Вы правы! – согласился Роланд, протягивая свою руку.

– Ваша рука, граф, это чрезвычайно таинственная книга, ее трудно читать, и вы были правы, не желая моего предсказания! – произнесла вдруг гадалка, едва взглянув на протянутую ей руку.

– Неужели?

– Все так таинственно, так темно в этих линиях... Позвольте мне немного подумать.

– Разве есть что-нибудь опасное?

– Возможно!

Опустив голову и устремив глаза на руку графа, Зилла погрузилась в рассмотрение ее линий.

В то время как все присутствующие увлеклись этой сценой, на террасу вошел скромно одетый молодой человек с лукавой физиономией и незаметно присоединился к маленькому обществу. Это был Сюльпис Кастельян, секретарь Сирано. Прождав напрасно своего господина в бургонском замке, он пришел за ним в замок де Фавентин.

– Молчи и жди, ты мне нужен! – шепнул ему Бержерак.

Между тем граф Роланд стал уже раздражаться долгим молчанием гадалки.

– Ну, говорите же, наконец! Ведь вы заставляете себя ждать! – сердито произнес он.

– Нет, я не могу вам сказать этого! – проговорила Зилла, отстраняя руку графа.

– Тайна? Это очень удобно! – насмешливо заметил граф.

– Мое молчание удобно, но... для вас! – сказала с ударением гадалка, устремляя свои пронизательные глаза на насмешливо улыбавшееся лицо графа.

– Ну, довольно этого шарлатанства, лучше спойте нам какой-нибудь любовный романс! – прервал граф, пожимая плечами.

– Это уж дело Мануэля! – заметил старший музыкант.

– Ну-ка, соберись с силами и скажи какую-нибудь импровизацию прекрасной барышне! – обратился он к молодому человеку.

Слова товарища страшно смутили поэта. Подняв свои почти совсем помутившиеся глаза на Жильберту, он сейчас же низко опустил голову, как бы под тяжестью какой-то подавляющей мысли. Потом вдруг лицо его изменилось, глаза зажглись энергией, и, гордо подняв голову, он подошел к молодой девушке.

– Его взгляд страшно волнует меня! – прошептала Жильберта на ухо хорошенькой служанке.

– У него такой самоуверенный, гордый вид! – ответила шепотом Пакетта.

Сирано снова задумался, глядя на поэта, привлекавшего всеобщее внимание.

Тем временем, сыграв сначала тихую прелюдию, тот робко запел. Голос его вначале дрожал, но, постепенно овладевая своим волнением и увлекаясь, певец продолжал уже уверенным голосом:

Ужели оттого, что злой судьбой гонимый,

Воспитанник цыган, рожденный близ ручья
И ласк лишенный женщины любимой,
У ног ее напрасно стражду я,
Что мне улыбкою блаженной
Она не озарит очей.
Я должен погасить в груди огонь священный
И не встречаться больше с ней?!
Она пройдет с спокойным выраженьем,
Не взглянет даже на меня.
И тени легкого смущенья
Не разбужу в душе я у нее.

О, в ней мой рай, мое блаженство!..
– О Боже, это он! – прошептала Жильберта.
Между тем певец продолжал:

И я бы умер лишь за то,
Чтоб только это совершенство
Коснуться губками могло
Той розы, где мое лобзанье
На лепестках бы замерло,
Смешавшись с розы той благоуханьем...

И случайно или умышленно импровизатор очутился у огромной каменной вазы, покрытой тонкими колючими ветками цветущей розы. Кончая тихим, мелодичным аккордом свою песню, он вдруг протянул руку к вазе и, сорвав цветок, преклонил колена перед молодой девушкой. Украдкой прижав розу к губам, он почтительно поднес ее Жильберте.

– Нахал! – крикнул Роланд, бросаясь к нему с дрожащими от гнева губами; затем, вырвав цветок из рук поэта, граф грубо растоптал его ногой.

Мануэль рванулся было к графу, но, встретя его насмешливый, полный презрения взгляд, невольно опустил голову и с краской стыда и бессилия на лице молча отступил назад.

– Что вы делаете, какая муха укусила вас, неужели вы не понимаете, что он вошел в свою роль и увлекся на мгновение? – спокойно проговорил Бержерак. – Он декламирует, предлагает цветок, – это так просто и невинно, что я не понимаю, за что тут обижаться?

– Но разве вы не видели выражения его глаз, разве не слышали его бесстыдных намеков?

– Эх, какое вы еще дитя, неужели вы ревнуете ее к этому авантюристу?

– Ах, оставьте меня! – с досадой проговорил граф.

– Убирайся прочь, негодяй, если не хочешь, чтобы я палкой выгнал тебя! – обратился он к поэту, указывая на дверь сада.

На этот раз музыкант не смог сдержать себя и холодно проговорил:

– Извините, сударь, но я должен напомнить вам, что если вы ударите меня палкой, то этим дадите мне право пустить в ход мою саблю!

– Прочь, бродяга! – крикнул граф, порываясь к Мануэлю.

– Граф! – воскликнула Жильберта, бросаясь между двумя противниками.

– Не бойтесь, если я ревную вас ко всему окружающему, зато умею вознаграждать за малейшее удовольствие, доставляемое вам. На, бери, бездельник! – сказал граф, бросая свой кошелек Мануэлю.

– Благодарствуйте, я уже вознагражден! – ответил молодой человек, отстраняя кошелек ногой.

Но брат Мануэля быстро наклонился и, подхватив кошелек, проговорил, учтиво кланяясь:

– Я не тружусь ради развлечения и с благодарностью беру все то, что мне дают!

Между тем Мануэль медленно удалился с террасы с гордым видом человека, добровольно покидающего поле сражения; за ним последовали его оба спутника.

В то время как Роланд с мрачным видом провожал глазами удалявшихся музыкантов, Жильберта грустно прошептала:

– Так он нищий... я должна совладать с своим сердцем... я не смею любить его! Конец чудному сну...

– Ступай, выследи их, я должен знать, где их найти! – тихо проговорил в то же время Сирано своему секретарю.

VII

Выйдя из замка Фавентин, странствующие музыканты направились к Новому Мосту, где обыкновенно толпилась масса народу. Тут были и уличные фигляры, и прислуга, и мошенники всех сортов, и самая изысканная парижская публика. Зилла шла молча, глубоко задумавшись и грустно опустив свою красивую голову; за ней следовал сияющий, самодовольно улыбающийся Мануэль. Он весь был переполнен счастливым сознанием, что он, без роду и племени, ничтожный бедняк, удостоился, наконец, хоть на одно мгновение быть в присутствии любимой особы. Хоть на одну минуту, но она все-таки принадлежала ему, – он чувствовал по ее глазам, так страстно устремленным на него, – и был счастлив, бесконечно счастлив этим воспоминанием. Положим, его оскорбляли, угрожали ему, наконец, выгнали, но зато он, уличный, жалкий фигляр заставил биться сердце знатной аристократки если не любовью, то хоть жалостью!

Этого было для него достаточно, и, как мечтатель-поэт, он весь отдался своим воспоминаниям. Да, он понял, что в сердце Жильберты он оставил глубокий, неизгладимый след.

И эти мечты были его сокровищем, утешением, наградой за все унижения и оскорбления. Словно во сне, не замечая ничего окружающего, наталкиваясь на прохожих, спотыкаясь на камнях мостовой, ослепленный, опьяненный, почти без сознания, двигался он по людным улицам Парижа.

Голос товарища вернул его к действительности.

– Эй, Мануэль, дружище, да что это с тобой, оглох ты, что ли?

– Чего тебе, Бен-Жоэль?

– Чего? Я тебя уж раз десять спрашивал, а ты не достаиваешь меня ответом!

– Извини меня и повтори еще раз свой вопрос.

– Я хотел тебя спросить как друга, что...

– Ну?

– Нет, это не мое дело.

– Да говори же, прошу тебя!

– Я спрашивал тебя о значении этой сцены.

– Какой?

– Да вот хотя бы относительно этой любовной импровизации в честь молодой девушки.

– Но ведь ты и так все угадал, к чему же этот вопрос?

– Неужели ты действительно любишь ее? – удивленно спросил Бен-Жоэль.

– Да, люблю!

– Но к чему это приведет?

– Ни к чему!

– Чудной ты, право! А как же Зилла?

– Что – Зилла?

– Разве ты не заметил ее мучений?

– Каких мучений? – спросил Мануэль, с удивлением взглядывая на своего собеседника.

– Очень понятных, она привыкла к мысли быть твоей женой, ведь это была воля моего отца, и теперь бедняжка до безумия ревнует тебя к этой крале!

– Ты ошибаешься. Ничего подобного не могло ей прийти в голову, и она никогда не любила меня! – возразил Мануэль с досадой, прибавляя шагу и присоединяясь к Зилле, чтобы прекратить неприятный разговор с Бен-Жоелем.

Между тем Сюльпис Кастильян, согласно приказанию Сирано, все время незаметно следовал за оригинальной тройкой.

– Ну и какого черта надо ему от этих жуликов? – бормотал он с досадой.

Вопреки ожиданию Кастильяна, музыканты не остались на Новом Мосту, а, миновав его, направились к Несльским воротам; пройдя еще несколько шагов, они очутились в том квартале, где ныне находится аристократическое Сен-Жерменское предместье. Здесь все трое скрылись в воротах старого нищенского дома.

Кошелек Роланда, поднятый Бен-Жоелем, был настолько увесист, что он решил на этот по крайней мере день не утруждать больше ни себя, ни своих товарищей. Вообще они уже привыкли к этой жизни изо дня в день, без заботы о будущем.

Сюльпис Кастильян долго стоял у ворот старого дома в ожидании появления музыкантов, наконец, убедившись в том, что это была их квартира, спокойно побрел домой.

Вероятно, нетерпение Бержерака было очень велико, так как на следующее же утро, хорошенько расспросив адрес у Кастильяна, взяв шпагу и захватив с собой какую-то коробочку, вынутую из ящика, он направился к квартире Мануэля.

Дом, который был точно описан Кастильяном, Сирано сразу узнал. Это был «Дом Циклопа», как называла его вся учащаяся молодежь, переполнявшая квартал.

Он представлял собой высокое, узкое здание, построенное из толстых бревен и покрытое штукатуркой, уже обвалившейся во многих местах. Сбоку виднелась низкая, обитая железом дверь, наверху же, под покатой крышей, покрытой мхом и длинными ползучими растениями, спускавшимся вниз, заметно было единственное запыленное, тусклое окно. Отсюда сквозь старинные, оправленные в олово стекла по вечерам проникал на улицу какой-то странный красноватый свет. И действительно, это единственное красное окно, вырисовывавшееся на темном фоне дома, сильно походило на глаз Циклопа. Поэтому школьники, большие охотники до мифологических сравнений, и прозвали это огромное мрачное здание «Домом Циклопа».

Мирные граждане со страхом посматривали на это, по их мнению, таинственное строение, бывшее убежищем каких-то привидений, колдунов или по крайней мере фальшивомонетчиков и убийц.

Но Сирано, незнакомый с чувством страха, смело постучался в низкую дверь. Долго ничего не было слышно, наконец на деревянной лестнице раздались тяжелые шаги, дверь отворилась и на пороге появилась желтая и сморщенная, как печеное яблоко, старуха. Сквозь узкую щель, которую она старалась сделать еще уже, Сирано разглядел какое-то тряпье, развешанное по стенкам, какие-то полуразвалившиеся нары у круглого грязного стола и над всем этим едкий смрад нечистоты и нужды.

– Чего вам? – спросила старуха.

– Мне бы хотелось поговорить с одним молодым человеком, который живет здесь.

– С молодым человеком? У нас их целых десять! Вам кого же именно надо? – хрипло смеясь, проговорила старуха.

– Мануэля! Кажется, его так зовут.

– А, Мануэль, да, такой есть у пас!

– Где же он?

– Он вышел с Зиллой и Бен-Жоелем.

– Где же мне искать его?

– А, вероятно, на Новом Мосту!

– Благодарю вас! – сказал Сирано, всунув в худую сморщенную руку старухи деньги, затем, мельком взглянув на высывавшиеся из-за нее весьма подозрительного вида физиономии, направился к Новому Мосту.

Было всего лишь десять часов утра, а у моста уже сновала густая шумная толпа. Особенно сгустилась она у рва Несльских ворот, где помещался театр марионеток.

Этот театр принадлежал знаменитому Жану Бриокки, или Бриоше, составившему себе довольно гром, кое имя.

Из театра доносились глухие звуки музыки. Вдруг в дверях показался сам директор в сопровождении своего товарища Виолена. При виде своего любимца толпа моментально притихла и замерла в ожидании чего-то интересного.

– Милостивые государи и государыни, прежде чем поднять занавес, я предложу вашему уважаемому вниманию нечто весьма интересное! – начал тот, произнося слова с сильным итальянским акцентом. – Например, приключения горбатого шута, прелестное бесподобное зрелище, прекрасное средство против ипохондрии! – вставил Виолен.

Взрыв гомерического хохота заглушил его слова.

– Вероятно, вы уже слышали кое-что о моей обезьяне, Фаготене, этом чуде из чудес?

– Да, да, слышали! Фаготен, Фаготен! – заорала толпа, развеселившаяся под впечатлением этого предисловия.

– Итак, господа, я покажу вам это чудо даром, совершенно даром, как показывал вчера, как покажу и завтра! – продолжал оратор.

По данному знаку Виолен исчез и вскоре вернулся, ведя за руку комично одетую обезьяну, выступавшую с уморительной важностью рядом с ним.

– Это он, браво, Фаготен, браво! – смеясь, кричала толпа.

Нужно пояснить, что обезьяна изображала настоящую карикатуру Бержерака. Эта комическая копия фигуры, костюма и гордой походки поэта стоила Бриоше немалых трудов.

«Обезьяна, – как говорит сам герой нашего романа, – была толста, как амьенский паштет, ростом почти с человека и чертовски смешна, Бриоше украсил ее старой вигоневой шляпой с большим пером, еле закрывавшим ее дыры и заплаты; па шею он пристегнул шутовской воротник и, наконец, дополнил весь костюм модным кафтаном с шестью складками, сплошь зашитым блестками и тесьмами».

– Что, каков молодец?! – крикнул Бриоше, принимая участие в общем веселье.

– Вперед, Неустрашимый! Доброе утро, Капитан Сатана, Победитель силачей, забияка, хвостун! Покажи же нам свое мастерство! – кричал он.

Толпа, вся поглощенная интересным зрелищем, не спускала глаз с комичной фигуры обезьяны и не замечала Бержерака, остановившегося у театрального барака в последнем ряду зрителей.

Кровь бросилась ему в голову при виде этого оскорбительного зрелища. Его нос, злосчастный, осмеянный нос весь вздрагивал от душившего его гнева. Сирано ежеминутно готов был броситься на эту глупую гоготавшую над ним толпу, но любопытство пересилило гнев, и он остался на своем месте.

– Приветствую тебя, помощник могильщиков! – обратился Бриоше к мнимому Сирано. – Твои достославные деяния не останутся во мраке; все и каждый знает о том, как ты из головы султана сделал рукоятку к своей шпаге; как взмахом шляпы потопил целую флотилию. Да, чтобы посчитать всех убитых тобой людей, пришлось бы к цифре 9 приделать столько нулей, сколько песчинок на морском берегу. Иди же, достославный рубака, облегчай работу Паркам!

Прекрасно выдрессированная обезьяна, выхватив свою шпагу из ножен, принялась чрезвычайно удачно подражать приемам Бержерака. Движения ее были так комичны и притом так поразительно искусны, что Сирано невольно расхохотался вместе с толпой.

Между тем присутствие Сирано было замечено; толпа заволновалась.

– Вот он, вот он! Эй, Фаготен, гляди на своего двойника! Вот он своей собственной сатанинской персоной! – выкрикивала толпа, то и дело поглядывая то на обезьяну, то на Бержерака и отдаваясь неудержимому хохоту.

– Молчать, бездельники, а не то я покажу вам ваше место! – крикнул Бержерак, выведенный из терпения.

– Позвольте, сударь, полюбопытствовать, – проговорил какой-то лакей, выдвигаясь из толпы. – Этот нос чей будет, ваш собственный или прицепной? Вот так нос, всем носам нос!

Отверните-ка его маленько в сторону, а то за ним ничего не видно! – балаганил лакей, с низкими поклонами приближаясь к поэту.

Намекнуть Сирано на его нос значило нанести ему кровное оскорбление. Наш герой не вынес этой насмешки и, выхватив свою длинную шпагу, ринулся на хохотающую толпу. Моментально площадь опустела, лишь один Фаготен с гордым видом размахнулся шпагой на раздосадованного поэта.

Савиньян бессознательно бросился к несчастному животному и в одно мгновение уложил его на месте ловким ударом в сердце.

Видя мертвую обезьяну, Бриоше с воплем бросился к злосчастной жертве вспышки Бержерака.

– О, господин Сирано, вы поплатитесь мне за смерть моего Фаготена! – кричал он, впрочем, несколько сдерживая себя ввиду вещественного доказательства могущества Сирано, присутствие которого не позволяло ему вполне выразить свою ярость. – Я никогда не забуду смерти моего дорогого Фаготена. Я подам на вас в суд, и вы заплатите мне самое малое 50 пистолей! – продолжал он, обнимая мертвое животное.

– Погоди немного, и я тебе заплачу, но только такой же монетой, как и твоей обезьяне, – ответил Сирано, потом, вытерев шпагу и хладнокровно вложив ее в ножны, отправился к Новому Мосту, отыскивая глазами Мануэля. Но в почтительно расступившейся толпе не было ни молодого виртуоза, ни его спутников. Сирано уже направился было к «Дому Циклопа», как вдруг заметил вдали Зиллу.

– Эй, погоди, красотка, дай сказать пару слов! – крикнул он ей вдогонку.

Цыганка обернулась на этот бесцеремонный окрик и, узнав Сирано, остановилась, давая ему время подойти ближе.

За Зиллой виднелась фигура Бен-Жоеля, тщательно отворачивавшего свое внезапно нахмурившееся лицо.

– Скажите, куда девался тот молодой человек, который приходил вчера с вами в замок Фавентин? Честное слово, я уже глаза проглядел, стараясь отыскать его.

– Вы спрашиваете про Мануэля? – спросила гадалка.

– Да, про него!

– Его нет сегодня с нами!

– Где же мне искать его?

– Спросите брата, он лучше знает! – ответила Зилла, с полупоклоном отходя от Сирано и оставляя брата и Бержерака в приятном тет-а-тет.

Бен-Жоэль собрался уже было благородно ретироваться, но Сирано быстро остановил его, положив на плечо свою сильную, большую руку.

– Эй, милый, куда же ты? Как вижу, ты такой же дикарь, как и твоя сестрица!

– Пустите меня! – пробормотал цыган, – ежась под тяжелой рукой поэта. Этот жалобный оттенок в голосе бродяги, вероятно, кое-что напомнил Сирано, так как он быстро заглянул в низко опущенное лицо бродяги, но, видя, что тот отворачивается, Бержерак просто взял его за подбородок и поднял его смущенное лицо вверх.

– Та-та-та, так это ты голубчик?

– Вы меня узнали, господин?

– Как же, как же, узнал! Но не беспокойся, не по твоей вине; я вижу, ты не забыл моего совета и прятался, насколько мог!

– Я прятался лишь потому, что мне было совестно.

– Не лги! Во время нашей первой и последней встречи я до такой степени был очарован твоей особой, что обещался вздернуть тебя на виселице при первой возможности. Помнишь ли ты это, мерзавец?

– Да, помню, но, прошу вас, забудьте это... Ведь тогда, в ту злосчастную ночь, я был на чужбине, вдали от своих, меня мучил голод и я поддался искушению...

– Ну, подобные искушения, вероятно, попадают тебе на каждом шагу!

– Нет, вы ошиблись, – в глубине души я честный человек.

– До этой глубины пришлось бы слишком долго докапываться!

– Уверяю вас...

– Довольно! Я нашел тебя как раз вовремя, – и ты можешь мне пригодиться. Слушай же, скотина, я оставлю тебя в покое и забуду свое обещание относительно виселицы, если ты окажешь мне одну услугу!

«Но я-то, я не оставлю и не забуду своей мести!» – пробормотал про себя бродяга.

– Я весь к вашим услугам, чем могу быть вам полезен? – проговорил он вслух.

– Где Мануэль?

– Вероятно, на паперти Собора Парижской Богоматери, но к 11 часам он вернется домой.

– Идем и там обождем его прихода!

– Вы хотите зайти ко мне?

– Почему же нет?

– Да, конечно, но...

– Или твоя конура – разбойничий притон, куда порядочному человеку рискованно и войти?

– Конечно нет!

– В таком случае двигаемся! Бен-Жоэль нехотя согласился.

– Ну а по дороге мы можем немного поговорить. Скажи, пожалуйста, что изображает из себя этот Мануэль?

– Он – славный товарищ... вроде меня.

– Что же, и он так же, как ты, поддается искушениям, – с некоторой боязнью спросил Сирано, – и занимается облегчением чужих кошельков?

– Куда там! Это – честнейшее и великодушнейшее существо.

Сирано вздохнул с облегчением.

– Какого он происхождения?

– Дитя случая, как вообще все мы!

– Но я заметил, что он не без образования. Где он учился?

– Да так, где придется. Между прочим, когда еще наше племя не рассеялось совсем, как теперь (наш отец был вождем целого племени), мы приютили одного славного малого, итальянского доктора, который принужден был оставить свою родину благодаря неудачному удару шпаги. Вы меня понимаете?

– Вполне! Продолжай, пожалуйста.

– Ну так этот доктор был человек очень образованный; он заинтересовался Мануэлем и, убедясь в его способностях, скуки ради стал с ним заниматься. Мануэль же усердно принялся за науку, и теперь вот в состоянии кропать стихи в честь прелестных дам.

– Что же случилось с его учителем?

– Он умер.

– Естественной смертью?

– Самой что ни на есть естественной: он просто под конец своих дней слишком любил поеть.

– Вечная ему память, но вернемся к Мануэлю. Ты говоришь, что он дитя случая?

– Да!

– Вашего же племени?

– Да, кажется.

Сирано сильно сжал руку Бен-Жоэля и, глядя ему строго в глаза, спросил еще раз:

- Уверен ли ты в этом?
- Но к чему этот вопрос?
- К тому, что у меня есть другие предположения относительно происхождения Мануэля.
- Какие?
- А такие, что он дитя не случая, а украденный ребенок!
- Украденный? – невольно бледнея, вскрикнул Бен-Жоэль.
- Да, я уверен теперь, что он уворован, но не тобой, конечно, – ты для этого еще молод, – а твоими, может быть, твоим отцом.
- Э, Господи Боже мой, ну подумайте сами, какую несообразность вы говорите! Зачем бы стали мы воровать его? – спросил цыган самым естественным тоном.
- Затем, зачем вы обыкновенно крадете детей: чтобы пользоваться ими, как приманкой для возбуждения сострадания у сердобольных людей; затем, чтобы приучать их к воровству и преступлению и, наконец, затем, чтобы выманить выкуп у родителей. Да мало ли зачем занимаетесь вы кражей детей!
- Нет, барин, вы ошибаетесь, Мануэль принадлежит к нашей семье!
- Не особенно настаивай на своем мнении, так как я, может быть, заставлю тебя отказаться от него. Впрочем, прежде чем продолжать дальнейшие исследования по этому вопросу, я хочу поговорить с Мануэлем. Ну-ка, веди меня! – прибавил Сирано, останавливаясь перед дверью «Дома Циклопа».

VIII

Цыган и следом за ним Бержерак вошли в низкую, грязную комнату. Освоившись с темнотой, Сирано различил окружающие предметы и понял, что находится в жалком ночлежном доме, где за ничтожную плату находили себе приют различные бродяги. Эта комната, правильнее сказать, погреб, освещалась день и ночь тусклым светом лампы, высоко подвешенной под закопченным потолком. Окон не было; земляной пол поражал неряшливостью. В углу возвышалась крутая витая лестница, ведущая в верхний этаж, где помещалась квартира Бен-Жоеля, Зиллы и Мануэля, единственных постоянных жильцов этого мрачного дома. На половине лестницы, в нише, проделанной в стене, стояла старая деревянная кровать, заваленная грязным тряпьем. Это было ложе древней старухи, хозяйки дома. Здесь жила она, одинокая, молчаливая, злая, замкнувшись в себе, словно черепаха, в своей тесной скорлупе.

Квартира Бен-Жоеля разделялась на две половины. Первая, состоявшая из одной комнаты, освещенной окном «глаз Циклопа», принадлежала Зилле. Это было нечто вроде лаборатории алхимика: везде виднелись реторты, колбы, склянки различных размеров и форматов; в углу очаг, дальше кровать, прикрытая узорчатыми тканями, несколько музыкальных инструментов и, наконец, огромная ваза живых цветов на резном дубовом столике. Все в этой комнате было таинственно, загадочно, но никак не бедно. Да, сразу можно было заметить, что это жилище женщины, жрицы какого-то таинственного культа. Масса дорогих вещей, старинные книги в пергаментных переплетах, духи, яды, шелковые банты, кинжалы – все это перемешалось в странном, но живописном беспорядке. Здесь царила приятная, но раздражающая атмосфера, действовавшая одновременно и на мозг, и на кровь.

Другая половина квартиры принадлежала Бен-Жоелю и Мануэлю и состояла из крошечной комнатки-чердака, освещенной окошком, проделанным в потолке; она отделялась от комнаты Зиллы узким коридором.

По приглашению Бен-Жоеля Сирано вошел в комнату Зиллы и, усевшись на стуле, стал с любопытством осматривать оригинальную обстановку.

Где-то вдали пробило одиннадцать часов. Скоро послышались шаги, и в дверях появился Мануэль. Увидав гостя, он в изумлении невольно остановился на пороге.

- Вас удивляет мое присутствие здесь? – спросил Сирано.
- Конечно, сударь, я не знал, что у вас дела с Бен-Жоелем.
- Дело не в Бен-Жоеле, а в вас.
- Во мне?

– Да, именно в вас! Нам с вами надо поговорить кое о чем серьезном, – продолжал Сирано, и его лицо приняло вдруг то же серьезное выражение, какое у него появилось после ужина в Сен-Сернине. Между тем Бен-Жоэль, стоя у окна, с величайшим интересом присматривался к Сирано.

- Оставьте нас одних! – проговорил последний, указывая ему на дверь.

Цыган, молча поклонившись, вышел из комнаты. «Ищи, выслеживай, выспрашивай, сколько твоей душе угодно, – пробормотал он за дверями, – все равно без меня ты ничего не добьешься, а уж я постараюсь сторицей отплатить тебе за побои; кровью или золотом, а уж ты мне заплатишь за них!»

Заперев дверь за цыганом и отодвинув свой стул возможно дальше, то есть к самому окну, Сирано сказал серьезным тоном:

- Садитесь, пожалуйста.

Молодой человек послушно уселся перед Сирано.

– Я пришел сюда ради вас и для вас, – это нахожу необходимым сообщить вам сейчас же, чтобы заставить быть со мной откровенным. Согласны ли вы?

- Как сказать... это зависит...
- Отвечайте прямо, без обиняков, да или нет? – проговорил Сирано, слегка раздражаясь.
- Хорошо, я согласен отвечать вам на все откровенно.
- Ну, начнем, в добрый час! Вы влюблены в Фавентин?
- Сударь... – пробормотал Мануэль, пытаясь встать.
- Вы ее любите. Ваш вчерашний романс не был обыкновенной импровизацией. Наконец, ваши взгляды, ваше волнение говорили лучше и больше всяких слов. И граф де Лембра был прав, ревнуя к вам невесту.
- А если бы и так, что же из этого? – запальчиво спросил Мануэль, гордо закидывая свою красивую голову.
- Хорошо! Но раз вы рискнули так высоко метить, то, вероятно, у вас была какая-нибудь задняя мысль?
- Нет, я люблю ее и признаюсь в этом, но задних мыслей и замыслов у меня никаких не было.
- В таком случае, друг мой, вы просто безумец!
- Почему безумец? Я преклоняюсь перед женщиной, очаровавшей меня своей грацией и красотой. Это чувство касается лишь одного меня. А ей не все ли равно, люблю ли я ее или нет, раз она ко мне равнодушна?
- А я иначе думал.
- Как же именно?
- Я предполагал, что вы, не находя возможным низвести мадмуазель Жильберту на равную себе ступень, захотите найти возможность возвыситься до нее.
- Нет, я ни о чем подобном не думал.
- Неужели?
- Уверю вас!
- Стало быть, вы ни больше ни меньше как обыкновенный цыган, нищий, отличающийся от других, подобных вам, лишь смелостью, иначе говоря, нахальством? – разочарованно проговорил Сирано.
- Да, я ничем другим не отличаюсь от других, – сдержанно ответил Мануэль.
- Вы глубоко убеждены в этом?
- Конечно... мне кажется... – бормотал Мануэль, невольно волнуясь.
- Расскажите мне, пожалуйста, всю вашу жизнь, – обратился Сирано к молодому человеку, еще ближе придвигаясь к нему. – Вы можете быть уверены, что говорите со своим другом! – добавил он просто.
- Моя жизнь такая же, как и всех мне подобных, – это бесконечное скитание по чужбине, полное лишений и излишеств; ночлеги под открытым небом в солнечные и дождливые дни. То ничего, кроме сухого хлеба в продолжение целого месяца, то роскошные пиры, и так – изо дня в день, и наконец, полнейшее равнодушие к судьбе, какая-то беспечность, увеличивающая радость светлых дней и помогающая легко переносить неудачи тяжелых минут.
- Хорошо, все это неважно, а дальше что?
- Как дальше?
- Не знаете ли вы чего-нибудь о своем прошлом?
- Очень мало.
- Но это «очень мало» может иметь огромное значение!
- Признаюсь, я не считаю себя членом семьи Бен-Жоеля.
- Сирано вздохнул с облегчением.
- Что же заставило вас сомневаться?
- Мои воспоминания.
- Вот видите, вы помните кое-что.

– Так что же из этого? Если даже я случайно найденный ребенок, так кто поможет мне найти мою прежнюю семью?

– Некоторые люди умеют даже находить иголку в стоге сена, и я льщу себя надеждой принадлежать к числу подобных людей, – сказал с особым ударением Сирано.

При этих словах Мануэль в величайшем волнении приподнялся со стула.

– Скажите, умоляю вас, скажите, что вам известно? – проговорил молодой человек, задыхаясь.

– Продолжайте дальше, – спокойно ответил Сирано.

– Но что же продолжать?

– Ваши воспоминания. Самые незначительные факты могут разъяснить очень многое.

Мануэль задумался, очевидно, стараясь восстановить в своем взволнованном уме какие-то смутные воспоминания.

– То, что особенно ясно запечатлелось у меня в памяти, это домашняя жизнь старика Жоеля. Семья его состояла из пяти человек: самого старика, затем его сына, меня, Зиллы, еще совершенно маленькой, и еще одного мальчика, скоро умершего.

– А как звали этого мальчика?

– Старик Жоэль звал его Сами, но я, не знаю почему, называл его Симоном.

Невозмутимый Сирано, которого не могли смутить даже двадцать шпаг, направленных на него, вдруг весь вздрогнул и побледнел. Мануэль с любопытством взглянул на своего собеседника, но тот тотчас же овладел собой и спокойно спросил:

– Вы говорите, что его звали Симоном? Прекрасно! А не знавали ли вы кого-нибудь раньше семьи этого цыгана?

– Да, хотя очень смутно, но я припоминаю лица каких-то стариков и женщин, потом каких-то детей, между которыми я, кажется, был самый маленький. Особенно хорошо помню я одного высокого, худого мальчика с уверенной походкой и сильным голосом.

– Кто же это такой?

– Погодите, дайте вспомнить!.. – прошептал Мануэль, углубляясь в воспоминания.

– Да, он был со мной неразлучен и часто колотил меня!

– Это очень понятно; всегда лица, которые нас бьют, глубже запечатлеваются в нашей памяти. Палка – это могущественный помощник памяти!

– Да, но хотя он бил меня, я все-таки очень любил его, он назывался... вот, вот, сейчас вспомню его имя!

Сирано в величайшем нетерпении привстал со стула. Лицо его было покрыто крупными каплями пота, а грудь сильно колебалась под шелковыми складками кафтана.

– Да говорите же, говорите, скорее! – шептал он в волнении. Но Мануэль, не слушая его, весь отдался мыслям о себе, о своем настоящем и будущем, и в его голове носились уже фантастические образы.

– Ну, говорите же! – крикнул Савиньян, сжимая его руку и выводя его из забытья.

– Я все пытаюсь вспомнить это имя, но когда уже готов произнести его громко, оно снова исчезает из памяти!

– Соберитесь с мыслями!

– Вспомнил!

– Ну наконец-то!

– Этот ребенок... первый товарищ моих детских игр был... да, да, наверное!..

– Ну! Ну!

– Савиньян... да, Савиньян! – медленно произнес Мануэль, как бы еще раз вспоминая это некогда так часто повторяемое имя.

Сирано вскочил со стула, но совершенно уже преобразившись; на лице его одновременно выражались и нежность, и радость.

– Савиньян, сорвиголова, злодей Савиньян, наделявший тумачами своего ученика, когда тот ошибался в уроках фехтования! Да, этот Савиньян вырос, постарел, но еще не утратил памяти! – воскликнул Сирано, до боли сжимая руку Мануэля.

– Вы его знаете?

– Знаю ли я! О Боже, да ведь Савиньян – это Сирано де Бержерак! Обними, обними меня, дорогое дитя! О, старик Лембра, наверное, перевернулся бы теперь в своем гробу!

– Вы, вы – Савиньян? – воскликнул в радостном изумлении Мануэль, бросаясь в объятия Сирано. – Но кто же я? – спросил он вдруг с дрожью в голосе.

– Ты не Мануэль, долой это имя богемы! Ты теперь – Людовик де Лембра, брат Роланда де Лембра.

Мануэль, потрясенный этой неожиданной вестью, в изнеможении опустился на стул. Это внезапное открытие казалось ему слишком невероятным, злой иронией судьбы, которая сейчас же снова вернет его к мрачной действительности.

– Вы не обманываете меня? Не шутите? Не играете моим легкомыслием? – спросил он с мучительным сомнением в голосе.

– Во-первых, обращай ко мне по-товарищески, как раньше, на ты, а во-вторых, я еще никого и никогда не обманывал!

– О Боже, как я счастлив! – с восторгом воскликнул Мануэль. – Но скажите, как могли вы...

– Опять?

– Как мог ты, – поправился Мануэль, сжимая руку Сирано, – под этими нищенскими лохмотьями искать графа де Лембра?

– Очень просто, я пристально взглянул на тебя.

– Не понимаю.

– А вот поймешь! Тебе знакомо это? – проговорил Сирано, вынимая из кармана коробочку и поднося ее к свету. Открыв ее, он вынул оттуда портрет молодого человека в роскошном охотничьем костюме.

– Это мой портрет! – воскликнул Мануэль.

– Нет, это портрет твоего отца, когда он был в твоих годах. Теперь ты понимаешь, почему я узнал тебя с первого взгляда? Твои глаза, улыбка, голос, походка – все говорило мне: «Старик Лембра вновь ожил в своем сыне», и потому-то я велел следить за тобой и пришел сюда расспросить тебя. Иногда природа любит сыграть злую шутку; боясь случайного поразительного сходства, я решил хорошенько выпытать тебя. Когда же у тебя сорвалось мое имя, – все мои сомнения рассеялись.

– Савиньян, дорогой мой друг, когда, чем я вознагражу тебя? Но скажи, теперь я смею любить ее? – робко спросил Мануэль.

– Эгоист! – шутя проговорил Сирано. – Но погоди, теперь нам надо добиться самого главного – признания твоего брата, а для этого потребуются более веские доказательства.

– Доказательства! – повторил молодой человек разочарованно. Слова друга снова вернули его к мрачной действительности.

– Ну конечно. Ведь не могу же я явиться вот так к графу и сказать: «Вот ваш брат, прошу любить и жаловать!» – проговорил Сирано, горько улыбаясь; де Бержерак хорошо уже изучил графа и знал, какое впечатление произведет на него эта неожиданная находка.

– Он не поверил бы мне, так как отсутствующие всегда неправы, а в особенности еще если они после пятнадцатилетнего отсутствия являются требовать своих прав. Да что говорить, даже закон был бы против нас, несмотря на мои доводы, несмотря даже на то, что мне одному известно!.. – добавил он тихо.

– Хороню, если эти доказательства необходимы, я их найду.

– Каким способом?

– Отец Бен-Жоеля, как старший в своем племени представитель рода, имел книгу, в которую записывал все важнейшие события, происходившие в его семье.

– Ну и что же?

– А то, что в этой книге должно быть записано мое прибытие в их семью, а также прибытие и смерть Сами.

– Но для чего они стали бы записывать эти уголовные дела?

– Не знаю, может быть, ради того, чтобы со временем эти выписки могли принести им доход, как выкуп за краденых детей, а может быть, просто для предотвращения возможности смешения чужой крови с чистой кровью сынов Египта.

– Ну, это вздор! Они не имеют понятия о своей генеалогии!

– Нет, ты ошибаешься, старик Жоэль прекрасно знал историю своего рода. Он тщательно записывал все браки и рождения и при случае мог бы насчитать гораздо больше колен в своем роде, чем древнейший дом во Франции.

– Допустим, что так, но это неважно, поговорим лучше о твоём прошлом!

– Очень часто во время нашего скитания по Франции мне приходилось видеть купленных и краденых детей, которых приводили в наш табор. Ребенка тотчас же показывали старику Жоэлю, он спрашивал имя ребенка, записывал в книгу и затем говорил: «Отныне ты принадлежишь к нашим». Затем прибывшему давали новое имя, которое тотчас же записывалось в книге рядом с настоящим именем. И хотя ребенок смешивался с толпой других ребятишек табора, но его всегда можно было найти по этим спискам. Таким образом Симон назывался Сами, а я получил имя Мануэль. То, что на моих глазах производилось с другими детьми, вероятно, произошло и со мной! – закончил Мануэль.

– Да, весьма возможно. А где же эта книга?

– У Бен-Жоеля.

– Ну так мы все сейчас же узнаем!

Сирано настолько быстро открыл дверь, что успел заметить отскочившего Бен-Жоеля, с величайшим интересом подслушивавшего у дверей.

– О, проклятый шпион, так ты все-таки подслушивал! – крикнул Сирано, хватая цыгана за ухо.

– Ваша милость! – взмолился бродяга.

– Иди сюда, мерзавец! – крикнул Савиньян, втаскивая его за ухо в комнату Зиллы.

– Ну, говори, скотина, что ты слышал?

– Уверяю вас, ничего! Буквально ничего!

– Не лги! Ну да, впрочем, теперь мне все равно, слышал ты или нет. Говори же, что ты слышал: это сократит мои пояснения!

– Извините... мне стало скучно одному в комнате, и я... – начал покорно бродяга.

– И ты принял участие в нашей беседе?

– Чтобы сократить ваши объяснения, как вы изволили выразиться, я признаюсь, да, я принял участие в вашем разговоре.

– Так теперь ты знаешь новую участь Мануэля?

– Да, и сердечно радуюсь за него; всегда ведь удача наших друзей доставляет нам удовольствие!

– А в особенности если эти друзья получают возможность оказать благодеяние?

– Ты можешь рассчитывать на меня, Бен-Жоэль. Пятнадцать лет я был вашим гостем! Те, кто сделал мне зло, уже давно умерли, а граф де Лембра не оставит без внимания тех, с кем в течение пятнадцати лет делил нужду и горе! – вмешался Мануэль.

– Хорошо, поговорим теперь о более спешном. Я к тебе обращаюсь, Бен-Жоэль!

– Слушаю!

– Скажи, что ты знаешь о Мануэле. Действительно ли в этой книге существует что-нибудь важное?

– Да, там записаны его имя и различные указания, касающиеся условий, при которых он был найден!

– Лучше сказать, украден!

– Ну, положим, этого доказать нельзя!

– Когда было произведено это похищение?

– 25 октября 1633 года.

– Где?

– В селении Гарриг, недалеко от Фужероля.

– Есть там еще какие-нибудь подробности или указания?

– Да, там есть заметка о смерти Сами, ребенке, найденном вместе с Мануэлем.

– Где же эта книга?

– Там! – ответил цыган, указывая рукой на крепкий дубовый шкаф.

– Давай ее сюда!

Лицо Бен-Жоеля моментально изменилось; приниженное выражение исчезло и заменилось спокойной самоуверенной улыбкой.

– Зачем она вам? – спросил он насмешливо.

– Очень просто, – чтобы с ее помощью доказать происхождение Мануэля и вернуть ему его права.

Сирано и Бен-Жоэль мгновение молча присматривались друг к другу; наконец, Сирано нахмурился и сделал нетерпеливый жест.

– Для доказательства подлинности Мануэля вполне достаточно моего засвидетельствования, – ответил Бен-Жоэль.

– Ты еще смеешь упорствовать? – крикнул Сирано, крутя свои усы дрожащей рукой и сам удивляясь своему долготерпению.

По мере того как Бержерак раздражался, цыган становился спокойнее и увереннее. Он уже составил план действий, который удовлетворял и его ненависть к Сирано, и жажду наживы.

Бен-Жоэль до сих пор не мог забыть глупей, оскорбительной боли от ударов хлыста, полученных на берегу Дордоны. Теперь он злорадно улыбался от приятного сознания, что этот ненавистный оскорбитель вполне зависит от его власти.

– Если явится необходимость представить эту книгу в суд, я это сам сделаю; я не хочу, – проговорил он с ударением, – кому-либо вручать ее!

– Так ты до такой степени оберегаешь эту реликвию?! – крикнул Бержерак, приближаясь к цыгану.

– Да!

– Неужели?

– Во-первых, как реликвию...

– Ну а во-вторых?

– Как обеспечение!

– Понимаю, ты не выдашь этой книги, пока не обеспечишь себя денежной гарантией?

– Да, вы угадали и, конечно, понимаете, что эта книга поднимает мою ценность, которой я без нее лишаюсь совсем.

– Хорошо, когда надо будет, мы сумеем вытребовать ее при помощи полиции.

– Бен-Жоэль, неужели ты мне не доверяешь? – спросил Мануэль, подходя к цыгану.

– Я не доверяю своей судьбе, – уклончиво ответил цыган.

– Ну, идем отсюда, – проговорил Сирано, беря Мануэля под руку. – Дома мы поговорим об этом обстоятельнее, а сегодня вечером, в крайнем случае завтра, ты познакомишься со своим братом и вступишь в свои права.

– Как вам угодно! Не обижайся на меня, Мануэль! – сказал Бен-Жоэль, провожая гостей. Лишь только Сирано и Мануэль вышли, цыган самодовольно улыбнулся, затем его жадные глаза опустились, и он погрузился в размышления о будущем. Вдруг, тихие шаги Зиллы прервали его мрачные думы.

– Скорее, дитя мое, интересная новость!

– Что случилось? – спросила Зилла, снимая свой длинный коричневый плащ.

– А то, моя крошка, что, ничего не подозревая, мы держали у себя в продолжение пятнадцати лет знатного барина!

Гадалка вдруг побледнела, а ее черные, как ночь, глаза лихорадочно заблестели.

– Знатного барина? – переспросила она, боясь и вместе с тем сгорая от нетерпения скорее узнать всю правду.

– Да, без всякого сомнения! Ну-ка поищи, кого здесь не хватает?

– Мануэля?!

– Да, его самого, то есть, лучше сказать, его милости Людовика де Лембра, владельца Фужероля! – ответил Бен-Жоэль, отвешивая низкий поклон невидимому графу.

– Доказательства! – властно крикнула Зилла.

– Я доказал! Я подтвердил!

– Ты?! – задыхаясь, переспросила цыганка.

– Рассказать тебе, моя красотка, как все это случилось? Так слушай! – начал Бен-Жоэль, не обращая внимания на волнение Зиллы.

И в нескольких словах он передал ей все случившееся. Девушка слушала молча, грустно опустив голову.

Бен-Жоэль снова вышел на улицу и, вернувшись под вечер домой, застал сестру в прежнем положении, с задумчиво опущенной на руки головой.

– Зилла, ты спишь?

– Нет, – возразила цыганка, не поднимая своего бледного лица.

– Пора ужинать, идем!

– Спасибо.

– Ты не хочешь есть?

– Нет.

– Ну, как знаешь! – сказал Бен-Жоэль, принимаясь за еду.

– Зилла, скажи, что с тобой? – спросил он после короткого молчания.

– Ничего.

– Слушай, я вижу, тут дело нечисто. Может быть, разлука с Мануэлем отняла у тебя аппетит? Неужели ты, в самом деле, любишь его, чудачка?

– Не все ли тебе равно?

– Как знать! Ведь тебе прекрасно известно, что я думаю лишь о твоём счастье.

– Зачем ты отпустил его? – крикнула Зилла, вскакивая со стула и с негодованием бросаюсь к брату.

– Он вольная птица.

– Но почему нашептал ты ему эти честолюбивые мысли?

– Дура! Я ничего не нашептывал ему!

– Но неужели он действительно граф?

– Да, я так думаю. Доказательства уж слишком убедительны.

– О, будь они прокляты! – вскричала Зилла со стоном.

– Это почему же?

– Потому что Мануэль теперь погиб для меня, потому что я люблю его, слышишь? Люблю его!

– Стало быть, ты признаешься в этой любви?

– Да, признаюсь. Я проклинаяю это счастье, которое возносит его и губит меня. Через неделю он уже даже забудет о нашем существовании!

– Ну, не забудет.

Но Зилла не могла понять тайного смысла этих слов.

– А если бы кто-нибудь уничтожил эти доказательства, которые вернули ему имя графа де Лембра? Если бы этот некто был ты и получил за то хорошее вознаграждение? Скажи, ты согласен? – спросила Зилла, ласкаясь к брату.

– У тебя губа не дура; но позволь мне дать тебе, моя крошка, один совет.

– Какой?

– Молчи и... жди!

IX

В тот же вечер в замке Фазентин собралось блестящее многочисленное общество.

Жильберта, удалившись в темный уголок, рассеянно слушала любезности Роланда, в то время как мать ее, окруженная несколькими почтенными стариками и двумя-тремя дамами, красота и молодость которых успела отцвести еще во времена царствования Людовика XIII, тихо вела какую-то незначительную беседу.

Дальше, в глубине комнаты, за столом разместились маркиз де Фавентин и еще каких-то три старика; два из них молча сидели рядом с маркизом, третий, стоя у стола, доказывал им что-то с большим жаром. Это была весьма интересная личность, – Жан де Лямот, парижский прево³. Длинное худое желтое лицо, маленькие горящие глазки, веки, лишенные ресниц, тонкие насмешливые губы, лоб, покрытый глубокими морщинами, – все это вместе взятое не производило приятного впечатления. Но в действительности он не был так зол, как это казалось с первого взгляда.

Преданный точным наукам, он был груб, даже несправедлив в делах, касавшихся этих занятий, но зато при исполнении служебных обязанностей умел расставаться с этими неприятными свойствами своего характера.

Движения его были размашистые, величественные, а речь дышала уверенностью; если иногда, как мы это сейчас увидим, его теории были не совсем непогрешимы, зато он всегда отстаивал их с большим жаром. Начертив на куске бумаги какие-то астрономические фигуры и то и дело указывая рукой на этот рисунок, он продолжал, не обращая внимания на равнодушные своих слушателей, с жаром доказывать безошибочность своего мнения.

На этот раз он оспаривал теорию Сирано де Бержерака, которая ему казалась самой что ни на есть пагубной научной ересью.

Очевидно, он страшно волновался, так как голос его стал криклив и резок.

– Да, господа! – воскликнул он, уничтожая своим последним доводом мнимые возражения своих слушателей. – Да, подобный человек заслуживает сожжения на костре на Гревской площади!

– Что вы, неужели вы такого мнения о нашем друге Сирано? Что же он сделал? – добродушно возразил маркиз.

– Вы еще спрашиваете, что он сделал? Да ведь это отчаянная голова, это помощник самого сатаны!

– А я считаю его сумасшедшим!

– И притом опасным сумасшедшим! – добавил прево. – Разве он не осмелился утверждать, что Луна обитаема и что Земля вертится? – добавил он в величайшем негодовании.

– Ужасный еретик! – воскликнул маркиз, еле удерживаясь от смеха.

– Я удивляюсь, как еще Земля носит его! Это – богохульник. Подобные субъекты служат явным доказательством упадка общественного порядка и приближения конца мира. Это не человек, а антихрист! – кричал разгоряченный ученый.

– Не слишком ли вы увлекаетесь, господин де Лямот? Бержерак – друг нашего дома!

– Вы его принимаете?

– Конечно, и вы убедились бы в этом сами, если бы не скупались так на свои визиты к нам.

– Маркиз, вы знаете, что наука – деспотичная госпожа! – оправдывался де Лямот.

– Уверяю вас, мой друг, – продолжал маркиз, – что Бержерак вам понравится при ближайшем знакомстве, и, во всяком случае, от него не пахнет гарью, хотя действительно он утверждает, что Луна обитаема, а Земля вращается.

³ Судья.

– Вот-вот, это-то меня и возмущает, – заволновался ученый, – Земля вовсе не вертится, и я докажу это вам раз и навсегда!

Маркиз печально поник головой, не предвидя возможности избежать скучных объяснений, и взглядом, искал поддержки и сочувствия у своих соседей, но они спокойно дремали, углубившись в свои мягкие высокие кресла. Между тем худая тонкая рука ученого забегала по звездному атласу.

– Вот, взгляните, пожалуйста; здесь, как видите, находится Луна, вот это Земля, а я изображаю собой Солнце!

– Весьма скромная роль! – пробормотал маркиз, подавляя зевок.

После этого краткого вступления ученый приступил к довольно пространному изложению своей теории.

В то время как он весь был поглощен своим объяснением, дверь бесшумно отворилась и в ней показался Сирано.

Маркиз жестом указал ему на оратора. Поздоровавшись с маркизой и Жильбертой, Бержерак взял под руку Роланда и подошел с ним к столу, временно превращенному в трибуну.

Жан де Лямот, не замечая его присутствия, с жаром продолжал свою речь.

– Итак, дорогой маркиз, вы видите, что Бержерак ни больше ни меньше как лгун, и теперь уж вам очевидно, что Земля не вертится, так как она совершенно плоская, что и доказано Жаном Гранжье!

– Вы ошибаетесь, она вертится, и на ее огромной поверхности нет ничего более плоского, как ваши доводы! – отчетливо проговорил Сирано.

От этого неожиданного возражения, громко раздавшегося над ухом ученого, последний, как мяч, отскочил в сторону.

– А, это вы?.. Вы опровергаете мои доводы? – произнес он, приходя в себя.

– Да, это я, и если хотите, сейчас наглядно докажу свое опровержение, – улыбаясь, ответил Сирано.

Лямот нахмурился, но в глубине души был очень доволен появлением Сирано: он уже предвкушал удовольствие победы, так как был уверен, что его доводы пристыдят и уничтожат Бержерака.

Около стола образовался целый кружок; спор обещал быть интересным.

– Итак, вы еще настаиваете на своей утопии? – начал прево свысока, обращаясь к Бержераку. – Но ведь это просто насмешка! Вы глумитесь над своими читателями. Чем докажете вы свое утверждение, будто Солнце неподвижно, когда его движение слишком очевидно. На чем основываете свое соображение относительно вращения Земли, когда мы все чувствуем, что она совершенно неподвижна?

Не обращая внимания на сопровождавшее эти слова пожатие плечами, полное сострадательного пренебрежения, Сирано ответил шутливым тоном:

– О Господи, но ведь это так просто, господин судья, я докажу вам это очень несложным примером.

Жан де Лямот хотел что-то возразить, но Сирано невозмутимо продолжал:

– Не сердитесь, пожалуйста, господин судья! Но слишком очевидно, что Солнце находится в центре нашей сферы, потому что все тела одинаково нуждаются в его благотворных лучах.

– Бессмысленное предположение! – пробормотал прево.

– И действительно, оно находится в центре, чтобы оживотворять и освещать остальные тела точно так же, как зерна находятся в середине яблока, косточка в сливе, росток под сотней верхних покровов в луковице. Вселенная является этим яблоком, этой сливой, этой луковицей, а Солнце тем зернышком, тем зародышем, к которому все тяготеет, вокруг которого все вращается.

Судья насмешливо улыбнулся.

– Неужели же вы думаете, что это огромное светило вертится около нашей крошечной Земли, чтобы освещать и согревать ее?

– Без всякого сомнения! – сказал де Лямот.

– Ваше утверждение похоже на то, как если бы, видя жаркое, вы вздумали бы уверять всех, что, жаря на вертеле, непременно нужно вращать вокруг него весь очаг.

И, довольный своей шуткой, Сирано повернулся на каблуке спиной к ученому.

– Я уступаю вам на этот раз в нашем споре! – проговорил де Лямот, не обладавший способностью вести серьезный спор в шутовском тоне. – Но уверяю вас, молодой человек, – добавил он с досадой, – что ваш дьявольский язык доведет вас до виселицы!

– Ну, в таком случае, господин прево, вы можете быть спокойны: ваш язык ни до чего вас не доведет, и вы умрете своей смертью!

Растерявшийся ученый не мог собраться с мыслями, и когда, наконец, его медленно действующий мозг приготовил должный отпор на эту новую дерзость, Сирано уже был на другом конце зала, где мирно болтал с Роландом и Жильбертой.

Со вчерашнего дня граф еще ни разу не вспомнил о сцене в саду, но теперь, в присутствии Сирано, он решил затронуть этот животрепещущий вопрос. Он прекрасно заметил внимание, с каким Сирано присматривался к Мануэлю; от его внимания не укрылось также, что Кастильян последовал за музыкантами.

– Сирано, виделись ли вы со своим писцом? – спросил он Бержерака.

– К чему этот вопрос?

– К тому, что господин Кастильян, как мне казалось, сильно заинтересовался черноокой гадалкой, наговорившей нам такую массу интересных вещей. Если не ошибаюсь, он с таким жаром последовал за ней, что это может далеко завести его.

– Что ж, у Кастильяна, значит, прекрасный вкус. Действительно, цыганка достойна внимания; впрочем, будьте спокойны, Кастильян вернулся цел и невредим.

Граф хотел уже было предложить еще один вопрос, чтобы разъяснить так сильно интересовавшую его тайну, но Сирано сам предупредил его.

– Вчера, узнав от вас о вашей предстоящей свадьбе и сердечно радуясь за вас, я вспомнил об одном весьма грустном обстоятельстве.

– Каком?

– Я вспомнил вашего брата.

Роланд вздрогнул и невольно побледнел.

– Брата? Граф никогда не упоминал о своем брате! – проговорила Жильберта, заметно заинтересовываясь.

– Он, вероятно, не хотел огорчать вас тяжелым открытием, – иронически заметил Сирано.

– Действительно, к чему вновь будить эти воспоминания, – пролепетал Роланд, – к чему вызывать эту таинственную историю, которая, к сожалению, никогда не разъяснится?

– Ну, как знать! – сказал Бержерак, загадочно улыбаясь.

На красивом лице графа выразилось сильнейшее волнение.

– Прошу вас, расскажите мне эту историю! – проговорила Жильберта.

– О, она очень проста. Людовику де Лембра было пять лет, когда мне исполнилось 13, и старый граф частенько поручал мне своего младшего сына (я воспитывался у старого графа). Я учил его верховой езде, фехтованию, вообще всему, в чем сам уже наловчился. Однажды в мое отсутствие Людовик вместе с Симоном, сыном садовника Видаля, имел неосторожность слишком удалиться от замка. Вечером, когда спохватились, детей нигде не могли найти, несмотря на самые тщательные поиски. Упали ли они в волны Дордоны, увлекшись отыскиванием птичьих гнезд, или были украдены кочующими цыганами, – никто не знал. Умирая, старик Лем-

бра поручил мне Роланда и просил не забывать Людовика, и я поклялся ему отыскать его сына, если только он еще жив.

– Но ведь уже с тех пор прошло 15 лет, вероятно, Людовик давно умер! – заметил граф.

– Ваш брат был бы теперь в таких годах, когда можно рассуждать и искать; и, как знать, может быть, судьба, не дав вам возможности найти брата, поможет ему отыскать вас?

– Как бы мне хотелось этого! – воскликнула Жильберта.

План Сирано был очень ясен. Прежде чем напомнить Роланду о существовании его брата, он изучал его сердце, или, другими словами, нащупывал почву, чтобы знать заранее, какой путь приведет его к победе.

– Хотя эта находка стоила бы Роланду половины его состояния, но мне кажется, что он не сожалел бы о ней, – продолжал Сирано, внимательно следя за выражением лица графа.

– Мой брат смело может вернуться, его встретят распростертые братские объятия. Я честно исполню свой долг по отношению к нему, но, конечно, не забуду того, что я старший в роде графов де Лембра, – проговорил Роланд.

«Да, я не ошибся, предстоит борьба», – подумал Сирано.

– Конечно, вы старший в роде, но... – прибавил он мягко.

– Что «но»?

– Но все-таки вам придется дать отчет перед братом.

– Законы на моей стороне. Роланд невольно снимал маску.

– Конечно, общественные законы – вещь весьма почтенная, но если принять во внимание некоторые обстоятельства, то даже и эти законы уходят на задний план.

– О каких обстоятельствах вы говорите? – спросил Роланд со злобой.

– Да хотя бы о воле отца семейства.

– В таком случае необходимо...

– Что необходимо?

– Завещание!

– Вот именно, я к тому и говорю, друг мой, так как, видите ли, это завещание...

– Ну?

– Оно существует.

– Завещание моего отца?

– Да, вашего отца.

– Нет, Сирано, вы ошибаетесь!

– Нисколько; я никогда не упоминал о нем, это верно, но лишь потому, что не представлялось в этом необходимости. Но теперь, когда вы собираетесь жениться, дело принимает другой оборот. Видите ли, суть в том, что ваша будущая семья ничего не знает о ваших долгах прошлого и обязанностях будущего.

– Мой отец чрезвычайно дорожил чистотой нашего рода и не мог бы сделать этого завещания, не поступившись своими убеждениями!

– Он одинаково любил своих сыновей и хотел, чтобы они пользовались одинаковыми правами.

– Вероятно, вы посвящены в тайну этого завещания, раз с таким убеждением говорите все это?

– Да, смысл завещания мне хорошо известен.

– Где же оно хранится? – в волнении кусая губы, спросил граф.

– У меня.

Граф невольно вскрикнул.

– Граф, неужели доверие вашего отца к господину Бержераку не нравится вам? – спросила Жильберта, неприятно пораженная поведением жениха.

– Сохрани меня Бог! Отец знал, любил и уважал Савиньяна; и самое страстное мое желание – это скорее обнять брата! Даже отдавая половину своего состояния, я буду настолько богат, что доставлю вам счастливое существование, на которое вы имеете полное право рассчитывать!

– Прекрасные слова! – проговорил Бержерак, прощаясь.

– Одно слово, мой друг! – сказал граф, останавливая Сирано и отводя его в сторону.

– В чем дело?

– Где хранится завещание отца?

– Зачем вам?

– Простое любопытство! Да, кстати, нельзя ли было бы вскрыть его теперь?

– Берегитесь, Роланд, вы мне не доверяете?

– Что вы! Наоборот.

– В завещании вашего отца упоминается еще кое о чем, не касающемся денежного вопроса.

– Что же это такое?

– Опасное признание!

– Опасное? Для кого опасное?

– Для вас.

– Для меня?

– Да, для вас. Поверьте мне, Роланд, и оставьте в покое завещание вашего отца. Советую вам это ради вашего личного спокойствия.

– Но, наконец, в случае вашей смерти что случится с завещанием?

– О, не беспокойтесь, это обстоятельство я имел в виду, дорогой граф! Все это я не зря говорил. Вы приближаетесь к важному моменту, и прежде чем он наступит, я хотел узнать, на что я могу надеяться или чего опасаться от вас, теперь это мне вполне ясно.

– Не хотите ли вы сообщить мне еще что-нибудь интересное?

– Нет, об остальном завтра.

– Завтра?

– Да, завтра! Могу я рассчитывать, что вы посетите меня?

– Хорошо. В десять часов утра я буду у вас.

Х

В комнате Сирано, полной утренних солнечных лучей, за столом, заваленным бумагами, у настезь открытого окна сидел Кастильян, переписывая злосчастную «Агриппину», навлекшую на его господина, ее автора, такую массу нападок Кастильян был не в духе, что сразу можно было заметить, потому что он оглашал всю квартиру веселой песней Такова была особенность его оригинального характера: веселье и счастье он переживал молча, спокойно, но малейшая неудача вызывала у него песни и шутки. Было ли это желанием забыться или выразить презрение судьбе, Бог его знает. Одно очевидно – счастье всегда повергало его в уныние, а горе вызывало блаженную улыбку.

На этот раз благодаря ли плохому перу или тяжелому кошмару, слишком рано прервавшему его сон, он уже в десятый раз начинал веселый куплет, когда-то сочиненный его господином:

Воинственных дуэлистов
Не увидит более Париж!
Утешьтесь, мужья-ревнивы,
Прощайте, франты, хвастуны!
Уж не увидит Париж
Ни их усов, ни их перьев!

Окончив песню, Кастильян снова было вернулся к началу, как вдруг на пороге комнаты появилась здоровенная краснощекая служанка с весьма энергичными движениями. Это была Сусанна, типичная перигорская крестьянка, в дни избытка нанятая Бержераком для служения. Хотя поэт по свойственной ему рассеянности забыл ей уплатить жалованье, но Сусанна, успевшая за это время привыкнуть к доброму господину, не могла уже расстаться с ним, и теперь ее властная речь и полнейшее господство в доме никого уже больше не удивляли.

– Ах ты бесстыдник ты этакий! Он поет! Как вам это нравится, а? Для того-то тебя взяли, чтобы ты пел?! – воскликнула Сусанна, останавливаясь в воинственной позе перед Кастильяном.

– Я потому пою, Сусанна, что мне чертовски скучно, – ответил Кастильян.

– Вот это мне нравится! Скучно! Ему скучно! Чего же тебе скучать, невытая твоя рожа?

– Чего? Ясно, кажется. Оттого, что погода дивно хороша, и я с удовольствием бы прогулялся теперь, а вот господина до сих пор нет и я не могу выйти без его позволения.

– В самом деле, куда это он запропастился?

– Он уже два дня как не дрался, и сегодня на рассвете явился сюда господин де Нанжи просить его к себе в секунданты.

– Вона что! Уж как пить дать, а вернется он с изорванной физиономией. Как хочешь, а барин твой помешался на этих дуэлях.

– Что с ним сделаешь? Такова уж его привычка. Если ему не приходится раза три в неделю воткнуть в чей-нибудь бок шпагу, так уж ему и кажется, что все вверх дном пошло, конец мира настал.

Как раз в это время в дверях появился Сирано; несмотря на предсказания Сусанны, он был цел и невредим.

При виде хозяина служанка поспешно вышла из комнаты.

– Ну что, кончил? – спросил Сирано, усаживаясь рядом с секретарем.

– Да! – мрачно ответил Сюльпис, предвкушая удовольствие прогулки.

– Прекрасно, стало быть, ты можешь отправляться на все четыре стороны, до вечера ты мне не нужен; впрочем, стой! Я тебе продиктую одно письмо.

– Кому?

– Этому толстяку Монфлери!

– Актеру бургонского замка? Что он еще сделал?

– Черт его знает почему, но он заупрямился и не хочет играть в моих пьесах, да еще подбивает и других актеров.

Кастильян весело засвистел какую-то арию: эта неожиданная проволочка весьма не понравилась ему.

– Я готов, – сказал он, беря в руки перо. Сирано быстро зашагал по комнате, громко диктуя следующее письмо, помещаемое здесь целиком, как образчик и характеристика этой интересной личности.

«Послушайте, мой драгоценнейший толстяк, если бы побой можно было передавать письменно, то вы должны были бы прочесть это письмо своими пухлыми боками. Неужели вы думаете, что раз нельзя вас дубасить все время в продолжение 24 часов, я буду ждать вашей смерти от руки палача? Нисколько! Пока же, однако, знайте, плут, что я запрещаю вам играть целый месяц, и если вы забудете об этом запрещении и осмелитесь вступить на театральные подмостки раньше этого срока, я сотру вас с лица земли, да так, что даже блоха, лижущая землю, не различит ваших останков в пыли мостовой»

По окончании этого любезного послания Капитан Сатана приложил к нему свой геройский штемпель и, облегченно вздохнув, обратился к Кастильяну:

– Ну, сынок, иди снеси это письмо, а если почтенный адресат почему-либо выкажет неудовольствие, то утешь его тем, что я сам зайду померить длину его ушей. Ступай!

Сирано был доволен: день начался восхитительно. Кастильян с готовностью бросился исполнять поручение своего господина и в дверях столкнулся с Роландом де Лембра.

Хорошо обдумав свой план и зная Роланда, Сирано прямо приступил к делу.

– Знаете ли, зачем я пригласил вас к себе? – спросил он, едва тот успел сесть на предложенный ему стул.

– Нет, и я был бы вам очень обязан, если бы вы мне сообщили это, так как ваши вчерашние слова для меня совершенно непонятны, и я бы хотел разъяснения их.

– Прелестно, не стану злоупотреблять вашим терпением. Надеюсь, что вы, как мужчина, стойко перенесете радостную новость, которую я сейчас же сообщу вам, – проговорил Сирано, не скрывая иронии.

– К чему вы это ведете? – прервал его граф.

– К большой и приятной неожиданности.

– Какой неожиданности?

– Очень важной. Припоминаете ли вы свои слова, сказанные вчера в присутствии вашей невесты?

– Какие слова?

– Мой брат смело может вернуться, объятия брата встретят его.

Роланд понял все, крупные капли пота выступили у него на лбу.

– Ну конечно! – пробормотал он принужденно.

– Итак, дорогой мой друг, раскройте ваши объятия, вот ваш брат! – воскликнул Сирано, поднимая портьеру, закрывавшую дверь соседней комнаты.

Эта эффектная сцена, приготовленная Бержераком, слишком сильно подействовала на напряженные нервы графа, и он бессильно упал на руки подхватившего его друга.

Мгновение граф оставался без сознания, наконец, он пришел в себя и увидел брата, дрожащего от волнения и радостно протягивавшего к нему свои руки. Когда он узнал в нем цыгана, выгнанного из фавентинского сада, когда увидел того нахала, который осмелился так нагло стать ему на дороге, он невольно вскрикнул и отшатнулся от брата.

– Так это он! Он! – шептал Роланд, сжимая кулаки.

– Да, это он. Взгляните, как поразительно похож он на вашего отца! – проговорил Сирано.

В то время как Роланд пытливо всматривался в лицо Мануэля, молодой человек робко подошел к брату и, преклоняя перед ним колена, заговорил взволнованным голосом:

– Дорогой брат, providение столкнуло нас два дня тому назад там, в парке Фавентин, но мы оба не предполагали тогда, что в наших жилах течет одна кровь. Я вас оскорбил тогда. Простите! Вы – старший в роде графов де Лембра, и отныне я буду предан и верен тому, кого люблю и чту, как главу нашей семьи. Жизнь моя была мрачна и жалка, но честь не запятнана; протяните же мне свою руку, брат, я достоин пожатия вашей руки!

Роланд справился, насколько мог, со своим волнением и, спокойно протягивая руку Мануэлю, проговорил с сожалением в голосе;

– Встаньте, сударь! Хотя с трудом, но я должен сдерживать свою радость, прежде чем тайна вашего прошлого не разъяснится вполне! Прежде чем назвать вас братом, как вы этого хотите, я должен получить неопровержимые доказательства.

– Восхитительно, граф, вы не особенно доверяете моим словам! Неужели вы думаете, что я преподношу вам фиктивного брага? Впрочем, не беспокойтесь, доказательства, о которых вы так заботитесь, найдутся. Ступай, приведи сюда Бен-Жоеля, мы будем тебя ждать, – обратился Сирано к Мануэлю.

В то время как тот отправился за цыганом, Сирано принялся рассказывать, как он пришел к этому важному открытию; рассказал ему о заметках, сделанных в книге Бен-Жоеля, которые в случае необходимости подтвердят Бен-Жоэль и Зилла. Граф понял, что ему ничего не оставалось, как покорно подчиниться судьбе.

Вскоре вернулся Мануэль в сопровождении своего бывшего товарища. При виде Роланда лицо Бен-Жоеля сразу прояснилось; он вполне понял положение вещей.

В то же время граф повеселел в душе; в этой лицемерной личности с осторожными движениями он сразу узнал человека с весьма растяжимыми понятиями о честности. «Вот оно – слабое место», – подумал он, всматриваясь в цыгана. Бен-Жоэль покорно отвечал на все вопросы Сирано и снова повторил все, что говорил уже вчера, по-прежнему наотрез отказавшись показать свою книгу. Не особенно настаивая, граф добродушно протянул руку Мануэлю и проговорил с самой искренней радостью:

– Дорогой брат, все мои сомнения рухнули: Бержерак ручается за вас, притом мое сердце подсказывает мне, что вы действительно тот, кого я так долго ждал. Ну, идемте, я представлю вам наших старых слуг и уверен, что многие из них узнают в вас без вести пропавшего ребенка!

«Красивые, но правдивые ли эти слова?» – подумал Сирано.

Мануэль подошел к брату и почтительно поцеловал протянутую ему руку.

– Право, граф, у него вполне приличные манеры, и через какую-нибудь неделю, не больше, мы сделаем из него самого утонченного аристократа!

«Ну, через неделю, не больше, он снова вернется к своим лохмотьям!» – мысленно проговорил Роланд.

– Вот, на, это тебе за удовольствие, которое ты мне оказал, – обратился он к Бен-Жоелю, отдавая ему все деньги, найденные у себя в кармане.

– Где тебя искать? – спросил он шепотом у цыгана в то время, как Мануэль изливал свою радость перед Сирано.

– В «Доме Циклопа» у Несльских ворот, ваша милость! – ответил Бен-Жоэль.

XI

Роланд де Лембра жил на улице Сен-Поль. Приехав в Париж с намерением проводить здесь большую часть года, он купил себе на этой улице роскошный дворец, окруженный большим садом. Вид старинной величественной постройки приятно щекотал самолюбие нового владельца.

Большую половину первого этажа занимал огромный зал, стены которого были сплошь покрыты дубовой обшивкой и богато украшены старинной позолотой. Подобные залы теперь можно увидеть в Лувре. Кругом были расположены остальные комнаты, между которыми находилась и спальня Роланда.

Спустя два дня после вышеописанного разговора с Сирано граф, отослав слуг, в волнении ходил в этом мрачном огромном зале. По временам с его злобно сжатых губ срывались проклятия, и он еще быстрее шагал по комнате, затем с досадой опустился в кресло и стал перелистывать какие-то лежавшие на столе бумаги, наконец, взяв перо, с озабоченным видом стал подсчитывать какие-то столбцы цифр. Подобная аккуратность была чрезвычайно редким явлением среди расточительной золотой молодежи и объяснялась лишь тем, что ему хотелось подсчитать расходы, вызываемые внезапным появлением брата. Окончив свои исчисления, граф с досадой бросил перо и опустил голову на руки. Очевидно, до сих пор он не мог найти разрешения мучившего его вопроса.

– Ба! Да что я в самом деле! Этак еще лучше! Раз мне не удастся развязать узел, так ведь можно его разрубить! – воскликнул наконец он решительно и, взяв со стола канделябр, открыл дверь, выйдя в длинный коридор, тянувшийся во всю длину первого этажа. Дойдя до конца коридора, он потушил свечи и, приподняв тяжелую портьеру, очутился в небольшом кабинете.

Ковер заглушал его тихие шаги. Вытянув вперед руку, он неслышно подошел к стене и пошарил на ней некоторое время, пока не нашупал пробку, закрывавшую маленькое отверстие, проделанное в стене. Осторожно вынув ее, он прищипнул глазом к отверстию и увидел молодого человека, стоящего посередине комнаты. Это был Мануэль, Людовик де Лембра, одетый уже в изящный шелковый серый костюм, прекрасно обрисовывавший его красивые формы и еще более оттенявший топкую красоту его лица. Теперь ничто не напоминало в нем прежнего бродягу.

Входя в свою новую роль, он почти не нуждался в обучении, так как, будучи образованнее большинства современной молодежи и обладая врожденными хорошими манерами, мог с достоинством поддерживать честь своего имени.

Теперь вкратце расскажем о его прошлом, тесно связанном с последующими событиями, то есть о зарождении его любви к Жильберте.

Это была обычная история любви, вечно новая и вместе с тем старая как свет. Увидав однажды молодую девушку у окна, он, как безумный мечтатель-поэт, весь отдался этому чудному видению.

Любить – это сознавать, что живешь, и Мануэль полюбил со всей страстью своего пылкого молодого сердца. Находилась ли она вблизи или где-нибудь вдалеке, – ее образ одинаково носился перед его глазами. Каждый вечер, тихо взобравшись по решетке сада на ее балкон, он оставлял там букет только что сорванных цветов и так же бесшумно удалялся из сада.

Вот и все. Тем не менее он был счастлив, счастлив таинственностью, волнением первой чистой любви, хотя не знал даже имени своего божества.

В этом сладком сознании не сама любимая особа занимает первое место в нашем сердце, а любовь с ее приятной неизвестностью и всей неизъяснимой прелестью массы незначительных мелочей.

Теперь, когда Мануэль мог рассуждать, когда он составлял нечто, его неясные чувства приняли более определенные формы. Его любовь не была уже несбыточной мечтой. Теперь уже никто не мог различить его с его божеством.

Таковы были мысли, волновавшие его в тот момент, когда граф заглянул в комнату сквозь свое потайное отверстие.

Взгляд Роланда встретил фигуру Мануэля. Но, очевидно, молодой человек был не один, так как он в большом волнении говорил с кем-то. Роланд окинул любопытным взором всю комнату и в углу заметил Сирано, сидевшего в высоком мягком кресле и гревшего свои длинные ноги у камина. Граф весь превратился в слух, боясь проронить хоть одно слово из разговора молодых людей.

– Итак, дорогой Людовик, ты доволен своим братом? – спросил Сирано своим зычным голосом.

– О, конечно! Он так добр ко мне!

– Ну, это в порядке вещей, а скажи...

– Что?

– Касался ли он главного вопроса?

– Какого?

– Ну денежного.

– Нет, ни я, ни он не возбуждали еще этого вопроса.

– Эта деликатность делает тебе честь, но, во всяком случае, тебе придется возбудить его.

– Зачем? Брат так гостеприимен, так предупредителен, что большего мне и не надо.

– О поэты! Как мало требуете вы от жизни! Но, к счастью, я еще здесь!

– Что ты предполагаешь сделать?

– Я хочу обеспечить твое будущее, чтобы ты был здесь не гостем, а равноправным хозяином, и для этого...

– Что для этого?

– Я думаю воспользоваться завещанием твоего отца.

– Прошу тебя, не задевай самолюбия Роланда!

– Успокойся, я говорю о дальнейшем. Месяц-другой мы предоставим дело твоему брату, ну а затем... посмотрим.

– Ну вот и прекрасно, не будем возбуждать этого скучного вопроса. Обождем; притом у меня есть заботы поважнее.

– Заботы поважнее, какие?

– Савиньян, ты разве забыл о моей любви? – спросил Мануэль, тяжело вздыхая.

– О, черт возьми, вот они, тайные страдания! – с гримасой проговорил поэт. – Да ведь ты сам знаешь, дитя мое, что твой брат уже предупредил тебя!

Роланд весь насторожился, так как друзья, будто зная об его присутствии, заговорили тише.

– Брат! Скажи, разве он любит ее по-настоящему? Не брак ли это по рассудку?

– Ну он-то ее, кажется, любит. Но любит ли она его, это вопрос. И кажется мне, что – нет.

– Значит?

– Значит, тут вся суть в том, чтобы сдержать данное слово, и, во всяком случае, это не дает тебе права подкладывать брату свинью!

– Да, ты прав. Я обречен на молчание, – сказал Мануэль, грустно опуская голову – Ну а если бы...

– Что? Договаривай!

– Если бы Жильберта сама...

– Самонадеянный! Так ты тоже подметил, что она любит тебя?

– Нет, но скажи, разве при виде гибели самого дорогого, о чем смеешь лишь мечтать, нельзя хоть на мгновение утешать себя возможностью надежды?

– Конечно. Утешай себя, сколько твоей душе угодно, а пока слушай: в скором времени ты увидишься с Жильбертой, так как ни я, ни Роланд не можем закрыть двери замка де Фавентин перед Людовиком де Лембра, как раньше могли запретить туда вход бродяге Мануэлю.

– Ну?

– Скажи, что ты будешь делать при встрече с ней?

– Видеться с ней говорить, не оскорбляя ее своим присутствием!. Я не думал еще о возможности этого счастья! – ответил Мануэль в сильном волнении.

– Ну так надо подумать!

– Вот что, Сирано, – заговорил Мануэль решительно после некоторого молчания. – Говори, что хочешь, называй меня неблагодарным, бесчестным, подлецом даже, но если я увижу ее, если заговорю с ней, то первое слово, первый взгляд будет посвящен любви; я это чувствую и не в силах буду скрыть свою любовь. Ты видишь, я совершенно дикий, новый наряд не изменил меня. Я не могу противостоять велениям своего сердца, которое приказывает идти и пасть к ее ногам. Если я не в состоянии буду побороть себя и обману доверие брата, я пойду к нему и скажу «Брат, гони меня, забудь меня, верни мне мои лохмотья, но не требуй от меня отречения от этой любви!»

– Ну а потом? – спросил Сирано, нисколько не смущаясь страстной речью Мануэля.

– Потом? Да разве у меня не остается моего имени?

– Не особенное богатство!

– Но оно даст мне возможность стать в ряды войска нашего короля Отвага и старание помогут добиться многого!

– Ну, мой друг, офицерская форма вместе с дворянством приносит чертовски мало дохода, а герб замка Фавентин давно уже просит позолоты!

Мануэль не слушал и весь погрузился в свои новые мечты.

– Поздно уже, – проговорил Сирано, вставая. – Ты еще обдумываешь все это, а лучше и благоразумнее – забыть!

– Нет, я не могу этого забыть!

– Ну, будь что будет, во всяком случае можешь вполне рассчитывать на меня, – прибавил Сирано, пристегивая шпагу.

«Кажется, я достаточно узнал! Тут, как видно, нужна не глухая борьба, а решительный и скорый удар», – бормотал Роланд, возвращаясь к себе в комнату.

Придя к заключению, граф позвонил. Явился лакей. С первого взгляда можно было безошибочно судить, что он не принадлежал к разряду обыкновенных слуг. Его темно-красное фамильярно улыбавшееся лицо изобличало в нем отъявленного негодяя, давно уже забывшего о существовании каких бы то ни было понятий о честности и долге.

Он молча остановился перед своим господином в ожидании приказаний.

– Ринальдо, хорошо ли ты помнишь то, что я тебе сказал вчера вечером?

– Если память мне не изменяет, вы изволили говорить о возвращении вашего брата и о вытекающих из этого неприятностях.

– Кроме того, я еще говорил, что ты будешь мне нужен.

– К вашим услугам! – с оттенком гордости ответил слуга.

– Через неделю, – проговорил Роланд, – здесь не будет другого хозяина, кроме меня!

– Так скоро? Ведь мы, кажется, предполагали, что это будет гораздо позже.

– Я раздумал, – сухо проговорил Роланд.

– Стало быть, теперь лишь надо обдумать благородный способ?

– Да!

– Можно произвести быстрое исчезновение.

– Нет, не надо проливать кровь, по крайней мере теперь, – добавил поспешно граф.

– В таком случае уничтожение доказательств?

– Да, это ничего себе.

– Затем свидетельские показания я могу тоже добыть, у меня найдутся два-три молодца...

– Об этом мы еще подумаем; теперь же ты проводишь меня. Первым делом необходимо заручиться поддержкой того, кто владеет документом относительно происхождения Мануэля. А уж что касается Сирано, благодаря которому мне приходится теперь расхлебывать всю эту кашу, так я расквитаюсь с ним впоследствии!

– Куда же мы теперь идем?

– К «Дому Циклопа».

Несмотря на поздний час, Ринальдо и Роланд, прекрасно вооруженные, благополучно прибыли в квартиру Бен-Жоеля.

При виде гостей цыган приятно улыбнулся.

– Я вас ждал! – проговорил он, широко растворяя дверь.

– Ты ждал меня? Почему?

– Почему? Очень ясно, я кое-что заметил, потом после некоторого размышления пришел к этому заключению и, как видите, не ошибся, – ответил тот с наглой улыбкой.

После этого, запершись в комнате Зиллы, они принялись о чем-то таинственно совещаться, и когда наконец граф вышел из «Дома Циклопа», на небе уже загоралась заря.

XII

Роланд де Лембра вышел из «Дома Циклопа», очевидно, очень довольный. В то же время в единственном окне этого мрачного дома появилась Зилла и до половины высунулась на улицу, стараясь охладить свое разгоряченное, загадочно улыбавшееся лицо. Ее полные влажные губы полуоткрылись, а черные блестящие локоны слабо развевались под дуновением легкого утреннего ветерка. Роланд не спешил представлять Мануэля своему будущему тестю, но старик сам прервал колебания графа и однажды утром явился поздравить Мануэля с благополучным возвращением в отчий дом. В тот же вечер оба брата по усиленному приглашению маркиза явились в замок де Фавентин.

– Позвольте представить вам смелого поэта, некогда вдохновленного вами. Теперь он уже беспрепятственно может воспевать вас; это не прежний бродяга, а мой брат... и ваш! – добавил Роланд с ударением, подводя его к невесте.

Молодые люди переглянулись; лицо Жильберты покрылось вдруг ярким румянцем, а Мануэль в волнении пробормотал какие-то бессвязные слова.

Познакомив невесту с братом, Роланд оставил их наедине, а сам подсел к маркизе: он находил особое удовольствие в этой опасной игре чувствами брата и теперь умышленно предоставил им полную свободу, мало заботясь о возможных последствиях того разговора, так как он сознавал свое преимущество, сознавал, что довольно сказать ему слово, и Мануэль снова очутится в прежней пучине, из которой его вытащил Сирано.

Между тем, немного успокоившись, Мануэль робко уселся рядом с Жильбертой, решив, ни минуты не тратя, постараться выйти из положения, так деликатно очерченного Бержераком.

Мануэль, как мы уже заметили, принадлежал к числу страстных, смелых и вместе с тем робких натур. Его ум еще не был подготовлен к той роли, какую ему дала судьба. Найдя брата, он, не задумываясь, искренно поклялся ему в послушании, почтении и дружбе; теперь же, увлекшись любовью, он совершенно забыл о своих добрых намерениях. Мысленно отрекшись от всех благ, которые ему приносило его знатное происхождение, он весь отдался влечению своего сердца. Он был молод, не имел понятия о маленьких правилах, налагаемых светом, главное же – любил до безумия. Да и кто мог бы укорить его за эту пылкую бесхитростную любовь?

– Несмотря на огромную перемену, происшедшую в моей жизни, я не забыл прошлого! В этом прошлом было то, за что теперь я должен у вас просить прощения! – начал Мануэль робко.

Молодая девушка почти ждала этих слов, но, услышав их, невольно вздрогнула; затем, вспомнив, что Мануэль уже не прежний бродяга, а такой же аристократ, как и она, и притом брат ее будущего мужа, она подавила в себе волнение и, приняв равнодушный, почти холодный вид, с удивлением взглянула на молодого человека.

– Да, я прошу у вас прощения. Тогда я был еще ничтожным бродягой, и моя смелость не могла вас оскорбить, а теперь...

– Что теперь? – переспросила Жильберта.

– Теперь я сознаю, что как дворянин должен извиниться за оскорбление, нанесенное бродягой.

– Вы закончили с вашей прежней жизнью, и надо забыть все, что ее касается, – отвечала девушка.

– Забыть! – воскликнул Мануэль. – Простите, но это единственная вещь, какой я не могу вам обещать. Требуйте от меня чего хотите, но умоляю, не просите этой жертвы – моих дорогих воспоминаний.

Жильберта молча опустила голову.

– Позвольте мне объясниться перед вами. Когда вы узнаете историю моей жизни, тогда, быть может, я вызову у вас снисхождение или жалость... – с жаром проговорил Мануэль, увлекаясь своими собственными словами и блестящей красотой Жильберты. И, воспользовавшись молчанием молодой девушки, он пылко заговорил о своих страданиях, о своих мечтах. Он раскрыл тайну появления букетов на ее балконе, поверил ей все свои мечты, все сладкие грезы, напрасные стремления и безумствования влюбленного поэта.

Затаив дыхание, забыв отца, Роланда, с волнующейся грудью слушала девушка его страстные слова.

Появление Роланда вывело их из этого сладкого, но опасного забытья. Граф давно уже стоял перед ними, пожирая лихорадочно блестящими глазами заговорившуюся парочку.

Когда Мануэль выходил из замка де Фавентин, он был словно в чаду: даже вернувшись домой, он не мог, не хотел стряхнуть с себя блаженного забытья, в которое повергла его беседа с любимой девушкой.

На следующий же день он снова отправился в замок де Фавентин.

Остальное весьма понятно. Мануэль и Жильберта полюбили друг друга. Признание невольно сорвалось у них с губ, и теперь будущее казалось им полным опасностей и ужаса.

Ровно через неделю после посещения Бен-Жоеля Роланд явился в замок Фавентин, прося свою невесту и ее родителей на бал, устраиваемый им на следующий день.

– Мне хотелось доставить вам удовольствие, маркиз, и я пригласил на этот вечер вашего друга Жана де Лямота, – учтиво добавил Роланд.

– Превосходно! Да разве вы забыли, граф, что общество подобных невежд, как мы, не может доставить ему удовольствия? – воскликнул маркиз.

– Уверяю вас, маркиз, что он придет, и наше общество будет ему интересно! – искоса поглядывая на Мануэля, проговорил Роланд.

Вечер, устраиваемый графом, не был делом одной минуты: Ринальдо уже давно готовился к этому празднеству, и Роланд тогда только стал рассылать приглашения, когда слуга заявил графу, что его приготовления кончены. Еще рано утром Бен-Жоэль получил записку, в которой рукой графа были написаны два слова: «Сегодня вечером». В то время как почтенное трио ловко расставляло силки, Мануэль тщательно прихорашивался перед зеркалом, напевая любовный романс, в котором имя Жильберты служило сладким припевом.

Вероятно, Роланд де Лембра имел много друзей, так как вечером в его салоне столпилось многочисленное блестящее общество. Здесь собралась почти вся знать Парижа. Несчастные гости задыхались в переполненных комнатах, но это ведь неизбежное и обычное зло всех званных вечеров и обедов.

Первое лицо, встреченное маркизом де Фавентин, был Жан де Лямот. На этот раз превосходно казался еще напыщеннее и серьезнее обыкновенного.

– Кого я вижу? Вы, серьезный мыслитель, ученый, – среди этой безумной толпы? – воскликнул маркиз.

– Юстиция везде уместна! – важно ответил старик.

– Надеюсь, однако, что вы являетесь сюда не в качестве судьи, а просто как друг дома?

– В качестве и того и другого, маркиз!

– Вы что-то очень серьезны сегодня! Неужели, вы еще досадуете на Бержерака и, надеясь встретиться сегодня с ним, думаете публично уличить его в ереси, святотатстве и колдовстве?

– Нет, но будьте уверены, что и его черед придет!

– А разве уже на кого-нибудь пришел? Кажется, все мы собрались здесь ради удовольствия, чтобы отпраздновать возвращение Людовика и разделить радость братьев. Неужели же, ничего не подозревая, мы подвергаем себя опасности? Быть может, здесь в доме таятся заговорщики?

– Нет! – сухо ответил судья.

– В таком случае я ничего не понимаю.

Судья тихо шепнул несколько слов на ухо маркизу.

– Неужели? Возможно ли? – удивился старик.

– Это правда, уверяю вас! Роланд де Лембра предупредил меня, и я исполню свой долг до конца.

– Странно, непостижимо! – бормотал маркиз, удаляясь с судьей.

Проходя в соседнюю комнату, они столкнулись с Жильбертой, шедшей рядом с Мануэлем; при виде их маркиз сделал движение, как бы желая отстранить молодого человека от дочери, но судья удержал его за руку.

– Успокойтесь, еще не время.

Войдя в зал, молодые люди уселись у открытого окна. Ночь была тихая и ясная; из сада врывалось благоухание цветов, и лишь иногда издали доносился шум голосов и взрывы хохота.

– Итак, вы говорите, что сразу узнали меня? – вполголоса спросил Мануэль, для которого начало их любви служило неисчерпаемой темой для разговоров.

– Да, с первого момента: вероятно, это просто было предчувствие, – ответила Жильберта.

– Вы наполняете мою душу невыразимым восторгом и гордостью! – воскликнул молодой человек. – О, неужели, несмотря на общественные предрассудки, несмотря на мнение света, вы все-таки любили меня, жалкого цыгана, уличного поэта, бродягу!

– Да, дорогой Луи, несмотря на все это я невольно любила вас и невыразимо страдала от сознания, что нам никогда не удастся соединиться; поэтому я поклялась в душе затаить это чувство глубоко в себе и лишь в горькие минуты утешать себя дорогими воспоминаниями моей первой, настоящей любви!

– О дорогая, милая Жильберта, когда же я вправе буду открыто объявить о своем счастье?

– Тогда, Луи, когда вы честно признаетесь во всем брату, как я решила признаться отцу.

– Брат... Я забыл о нем. Да, я вечно забываю. Боже, почему ты, возвращая мне имя, заставляешь делать выбор между неблагодарностью и счастьем?! – с тоской воскликнул Мануэль.

– Не Бога корите в этом, а меня! У меня не хватило мужества устоять перед волей отца, и, не любя, я дала слово. А теперь я не стану молчать!

– А Роланд?

– Ваш брат слишком справедлив и честен, чтобы злоупотреблять моим словом!

– Будем лучше жить настоящей минутой!

– Да, будем жить настоящим и надеяться на будущее! – проговорила Жильберта.

В это время в зале появился Сирано. Заметив молодых людей, он тотчас же подошел к ним. Скоро явился и Роланд. Встретив большую часть гостей, он на минуту удалился к себе в комнату, где уже дожидался Ринальдо.

– Все готово! – доложил слуга. Перекинувшись двумя-тремя словами, граф вернулся к гостям.

– А, вот и вы, – обратился он к Сирано. – Вы немного опоздали и заставили нас обождать с дивертисментом.

– С каким дивертисментом?

– Сначала будет исполнено несколько вокальных номеров, потом немного балета.

– Прошу вас, окажите мне честь распорядиться сегодняшним вечером, вы – царица этого вечера, я же ваш скромный покорный слуга, – сказал он, обращаясь к Жильберте. – Можно начинать?

– Пожалуйста! – поспешно проговорила молодая девушка.

Граф ударил в ладоши, и тотчас же в конце зала взвился занавес. Глазам зрителей представилась сцена с маленьким оркестром. Вскоре на сцене появился итальянский балет, поль-

зовавшийся в то время большой любовью парижан. Не желая утомлять зрителей, граф скоро подал знак, и занавес опустился.

– Великолепно! У вас прекрасный вкус! – заметил Сирано.

– О, у меня есть еще кое-какие сюрпризы для дорогих гостей! – сказал с едва заметной иронией Роланд.

В это время в дверях показалась странная фигура Ринальдо; он нес поднос с прохладительными напитками, за ним следовали другие лакеи с такими же подносами.

Лицо Ринальдо выражало почтительную скромность, граничившую с наивностью.

– Роланд, да ведь это бездельник Ринальдо, живший в Фужероле еще в блаженные дни нашего детства! – проговорил Сирано, присмотревшись к слуге.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.